

№ 36. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 20 к. С.-Петербургъ, 8 Сентября 1879 года. *Адресъ конторы редакціи:* С.-П.-бургъ, Новая улица, домъ № 6. Годъ VII.

Изъ моихъ воспоминаній.

Фридриха Шпильгагена.

(Продолженіе.)

Художнику можетъ иногда придти желаніе изобразить ландшафтъ, который мы всегда привыкли представлять себѣ при солнечномъ сіяніи и голубомъ небѣ,—напр., усѣянные виноградниками берега Рейна или сверкающія волны Комскаго озера—покрытымъ грозовыми тучами, затянутымъ сѣрымъ покровомъ дождя, но это всегда будетъ для него трудною задачею. Напрасно, въ погонѣ за оригинальностью, станетъ онъ сохранять величайшую вѣрность природѣ; мы ему не вѣримъ, а повѣривъ, не чувствуемъ признательности. Картина этихъ мѣстностей иначе представляется нашему воображенію, иначе и лучше. Пусть онъ оставитъ свои мрачныя краски для мѣстностей, которымъ онѣ приличны: пустыннымъ горамъ, непривѣтливымъ берегамъ моря и равнинамъ; мы хотимъ видѣть въ легкихъ, воздушныхъ тканяхъ юную красавицу, а природу, гдѣ она сохранила райскія черты, въ росистой свѣжести и блескѣ перваго дня созданія!

Можно-ли осуждать тѣхъ, кто говоритъ это? Разумѣется нѣтъ! Къ человѣческой жизни вполнѣ примѣнимо правило, относящееся къ неодушевленной природѣ; поэтому я нисколько не обижусь, если кто нибудь, читая разсказъ о моихъ студенческихъ годахъ, покачнетъ головою и обвинитъ меня въ томъ, что я омрачаю густыми тѣнями ясное, чудное воспоминаніе. Но біографу не представляется такого свободнаго выбора сюжета и изображенія его, какъ творцу-художнику; къ счастью, въ моемъ разсказѣ будутъ и свѣтлыя стороны. Юношескую силу не сломитъ тяжелымъ обстоятельствамъ; читатель увидитъ, что и я принималъ участіе, хотя и очень умѣренное въ радостяхъ, свойственныхъ юнымъ лѣтамъ, и черпалъ наслажденіе изъ той же чаши, которая съ избыткомъ поила меня горечью. Студенческая жизнь не была для меня тою радостной, веселою, свободной эпохой, воспѣваемой въ пѣсняхъ, находящихъ отголосокъ въ сердцахъ «маститыхъ мужей», бывшихъ нѣкогда «буршами», и омрачаемой только годичными экзаменами въ концѣ семестра.

Мысль, что не могло быть иначе, что обстоятельства должны были сложиться именно такимъ образомъ, чтобы подготовить мнѣ успѣхъ въ послѣдующей жизни, даетъ мнѣ возможность говорить спокойно и добродушно о томъ времени, при одномъ воспоминаніи о которомъ у меня прежде сжималось сердце и замирали слова на губахъ.

Я льщу себя надеждой, что читатель, если не полюбитъ, то примирится вполнѣ съ личностью юноши, въ характерѣ котораго уживались, повидимому, совершенно несовмѣстимыя черты: беззаботность, доходящая до легкомыслія и строгій взглядъ на жизнь, граничащій съ педантизмомъ; смѣлость и робость; стремленіе къ покойному, безцѣльному существованію и энергическое, упорное прилежаніе, доходящее до тупости равнодушіе къ свѣтскимъ преимуществамъ, и жгучее, поглощающее честолюбіе; любовь къ свѣту и монашескій аскетизмъ; сомнѣніе въ собственныхъ способностяхъ, своемъ творчествѣ и образъ жизни, оправдываемый только непоколебимою увѣренностью въ своихъ силахъ и успѣхѣ—однимъ словомъ, изрядное количество противорѣчій, составляющихъ основу тѣхъ загадочныхъ натуръ, чей типъ изображенъ человѣкомъ, котораго бы неминуемо причислили къ нимъ, если бы онъ имѣлъ несчастіе умереть ранней смертью, не успѣвъ доказать, что милостивая природа создала его изъ нѣсколько иного матеріяла.

Подготовивъ такимъ образомъ читателя, подобно предусмотрительному доктору, любящему на всякій случай представить дѣло нѣсколько мрачнѣе, чѣмъ оно въ дѣйствительности,—я не особенно удивлю его, сказавъ, что новоиспеченный студентъ уже на дорогѣ въ Берлинъ, началъ соображать, не лучше ли ему тотчасъ же отправиться въ Боннъ, не ожидая весны, и перемѣнить медицину на юриспруденцію.

ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Фридрихъ Шпильгагенъ.

Можетъ быть, подобныя соображенія не пришли бы ему въ голову, если бы желѣзно дорожный поѣздъ домчалъ его, какъ бываетъ теперь, въ 6 часовъ къ мѣсту его назначенія и на слѣдующій день онъ могъ бы предстать передъ комисіей, раздающей матрикулы. Но въ то время (1847 г.) жили не такъ быстро. Въ ту пору требовалось 24 часа, чтобы проѣхать 30 миль, отдѣляющія Штральзундъ отъ Берлина; только сдѣлавъ добрыхъ двѣ трети пути, измученный пассажиръ добирался до Пассова и пересаживался на штетинскую желѣзную дорогу, которая довозила его до Берлина.

Такимъ образомъ, въ моемъ распоряженіи была длинная осенняя ночь (я нѣсколько разъ только на минуту забывался короткимъ сномъ), чтобы размыслить объ этой интересной темѣ; если можно назвать размышленіемъ отрывочныя представленія и расплывающіяся фантазіи юноши, который съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ еще маленькимъ мальчикомъ, подъ крылышкомъ родителей, съ едва пробуждавшимся сознаніемъ проѣхалъ по этой самой дорогѣ, ни разу не видалъ ни желѣзной дороги, ни газоваго освѣщенія, и передъ которымъ лежалъ весь міръ, какъ огромная, таинственная, закрытая книга, которую ему предстояло открыть неопытною рукою и самому объяснить ея непонятные знаки.

Сознаніе, что я долженъ разсчитывать только на самого себя и одного себя считать отвѣтственнымъ за хорошій или дурной исходъ своихъ дѣйствій уже въ то время прочно установилось во мнѣ, хотя я и не могъ еще обойтись безъ матеріальной поддержки. Да, я смѣло могу сказать, что это было единственнымъ установившимся убѣжденіемъ и основнымъ тономъ, звучавшимъ сквозь всѣ чудесныя мелодіи будущаго, которыми я услаждалъ себя, сидя молча въ углу дилижанса и глядя, какъ лошади потряхиваютъ своею упряжью.

Въ прошлой главѣ я говорилъ, что меня увлекъ единственно примѣръ друга, но я долженъ прибавить, что во мнѣ и раньше была склонность къ призванію врача, замѣченная и мною, и моими домашними.

Еще мальчикомъ я покидалъ игры и лишалъ себя ночного отдыха, чтобы просиживать цѣлые часы у постели больного, болтая съ нимъ, охраняя его сонъ и оказывая ловко и заботливо различныя мелкія услуги. Благодарные паціенты щедро одѣляли меня похвалами и я не разъ слышалъ, что я рожденъ быть докторомъ. Но удивительно, что съ годами эта наклонность являться добрымъ самаритяниномъ значительно поубавилась; прежде она, бывало, проявлялась въ такихъ случаяхъ, гдѣ всякій остался бы равнодушнымъ, позднѣе же она обнаруживалась только тогда, когда дѣло шло объ уходѣ за обожаемою матерью, которая часто по цѣлымъ днямъ была прикована къ постели. Тѣмъ не менѣе это воспоминаніе о невинныхъ дняхъ юности, о порывахъ сострадашія дѣтскаго сердца, лишенныхъ малѣйшаго эгоизма, содѣйствовало принятію этого рѣшенія; но когда я покинулъ родныхъ и друзей, чтобы поселиться на чужой сторонѣ, между чужими людьми, не имѣющими нужды въ моей симпатіи, мнѣ пришло въ голову, что нѣтъ достаточныхъ причинъ создавать свою будущность на основаніи этой угасшей склонности.

Къ этому соображенію присоединилось и другое. Я всегда имѣлъ глубочайшее уваженіе къ медицинской наукѣ, считалъ необыкновенно труднымъ ея достиженіе, а дѣятельность врача сопряженной съ трудностями и отвѣтственностью. И вдругъ во мнѣ неожиданно возникло воспоминаніе, рисующее эту отвѣтственность въ страшномъ размѣрѣ.

Мнѣ было приблизительно лѣтъ 10, когда умеръ отъ воспаленія кишекъ средній изъ трехъ моихъ старшихъ братьевъ, блѣдный темнокудрый мальчикъ, съ необыкновенными способностями. Оба доктора, лечившіе его, просили позволеніе произвести вскрытіе; я былъ въ комнатѣ родителей, когда они явились сообщить о его результатѣ. Мой испытующій взоръ тотчасъ же открылъ на ихъ лицахъ трудно уловимое, но для меня совершенно ясное выраженіе недоумѣнія и замѣшательства. Выходя изъ комнаты, я услышалъ слова ихъ, что болѣзненное мѣсто было такъ незначительно, такъ мало, что почти непонятно, какимъ образомъ произошла смерть.

Очень вѣроятно, что я превратно понялъ и выраженіе лицъ и слова этихъ почтенныхъ мужей; но дѣло въ томъ, что они произвели на меня именно то, а не другое впечатлѣніе, и сцена эта, о которой я не разъ думалъ, воскресла въ моей памяти съ такою ясностью, какъ будто я пережилъ ее только вчера.

Все это было вполнѣ естественнымъ слѣдствіемъ быстрой асоціаціи идей. Но на меня это воспоминаніе подѣйствовало какъ какое-нибудь чудо, оно казалось мнѣ пророчествомъ, предостерегавшимъ меня отъ изученія науки, которая ставила своихъ адептовъ въ такое страшное положеніе.

Другъ мой категорически объявилъ мнѣ, что для него не существуетъ иной альтернативы; онъ не имѣетъ выбора, а долженъ взяться за ремесло, которое, по крайней мѣрѣ, дастъ ему возможность по окончаніи курса встать на ноги и заработывать на свое существованіе.

Надо мной не тяготѣло ничего подобнаго. Хотя состояніе у насъ было очень скромное, но отецъ получалъ хорошее содержаніе, въ особенности по тому времени, и могъ надѣяться, что ему удастся поддержать дѣтей до тѣхъ поръ, пока они перестанутъ нуждаться въ его помощи. Хотя карьера молодого юриста требовала много времени и издержекъ, но въ глазахъ отца она обладала преимуществомъ, съ избыткомъ вознаграждавшимъ за время и расходы; она прямымъ путемъ вела въ тихую гавань чиновничества, которое по его мнѣнію одно могло доставить необходимую опору и безопасность отъ жизненныхъ бурь.

Онъ неоднократно указывалъ на это преимущество, сравнивая его съ бѣдственнымъ положеніемъ неимѣющаго собственныхъ средствъ врача, застигнутаго продолжительною болѣзнью. Все это было совершенно вѣрно, но не могло произвести должнаго впечатлѣнія на молодого человѣка; на меня повліяло другое соображеніе.

Мнѣ не трудно было ознакомиться съ внутреннимъ бытомъ чиновниковъ. Могло-ли укрыться отъ меня то обстоятельство, что тутъ не было и рѣчи о дѣйствительномъ, тяжкомъ трудѣ и горячей дѣятельности, что ей предавался только тотъ, кто самъ добивался ея, обнаруживая ее, безъ всякой необходимости, въ чрезмѣрномъ служебномъ рвеніи, не вызывавшемъ ни въ комъ ни малѣйшей признательности, зачастую неудобномъ для начальства и всегда непріятномъ подчиненнымъ? Развѣ я не слышалъ, какъ въ пріятельскомъ кружкѣ отца смѣялись надъ педантствомъ собрата, который съ своею маленькою, сухою, подвижною фигуркой, худымъ, желтымъ, сморщеннымъ личикомъ составлялъ такой контрастъ съ веселыми здоровяками-собутыльниками. Незачѣмъ превращаться въ «бумагоѣда». Стоило только воспользоваться свободными часами для поэтическихъ занятій и желаемое положеніе найдено!

Врядъ-ли нужно напоминать читателю, что эти соображенія и мысли не разъ приходили въ голову нашему молодому другу. Но нерѣдко случается, что въ обществѣ или въ вагонѣ желѣзной дороги мы неожиданно рѣшаемъ задачу, которая не поддавалась намъ въ тиши кабинета? Если это можетъ произойти со взрослымъ, опытнымъ человѣкомъ, отъ котораго мы вправѣ ожидать послѣдовательнаго мышленія и извѣстной независимости отъ внѣшнихъ впечатлѣній, то что удивительнаго, если восемнадцатилѣтнему юношѣ, попавшему въ совершенно новое положеніе, весь міръ покажется въ новомъ свѣтѣ и ему почудится, что съ глазъ его спала завѣса?

Только одно казалось сомнительнымъ: что скажетъ на это другъ? Безъ проповѣди и укора въ легкомысліи не обойдется; но врядъ-ли я его встрѣчу теперь въ Берлинѣ и, можетъ быть, избѣгну строгаго приговора. Мы не писали другъ другу съ тѣхъ поръ, какъ разстались вечеромъ, въ день послѣдняго экзамена, въ такомъ странномъ настроеніи; преграда, возникшая между нами, какъ будто еще увеличилась. Мы чувствовали, можетъ быть, что намъ лучше разстаться на нѣкоторое время? Въ такомъ случаѣ планъ мой, если ему суждено осуществиться, не противорѣчилъ интересамъ нашей дружбы!

Между тѣмъ настало утро, прекрасное, свѣжее, бодрое осеннее утро, какъ будто созданное для исполненія намѣреній, созрѣвшихъ ночью. Почтовая карета остановилась на какой-то станціи; пассажиры вышли; я спросилъ у хозяина станціи листъ бумаги и, положивъ его на конторку, на раскрытую счетную книгу,—въ то время, какъ кругомъ звенѣли чашки и шелъ громкій разговоръ,—сталъ писать матери, о возникшихъ во мнѣ мысляхъ и рѣшеніи и просилъ ее быть посредницей между мною и отцемъ. Почтальонъ затрубилъ въ рожокъ; пассажиры торопились завтракомъ; я кончилъ письмо и отдалъ его для скорѣйшей отправки хозяину. Дѣло не терпитъ отлагательства!

И въ самомъ дѣлѣ развѣ это не было правдой? Я принялъ твердое рѣшеніе воздерживаться по возможности отъ «если» и «но»; но я не могу избѣжать вопроса, чтобы случилось, если бы отецъ отказалъ въ испрашиваемомъ позволеніи и я бы предался изученію медицины. Я убѣжденъ, что наука, требующая такой энергической дѣятельности, надолго бы всецѣло завладѣла мной, и если бы я и не уклонился навсегда отъ своего истиннаго призванія, то все же путь къ нему былъ бы совершенно инымъ. Теперь, когда я не только не сорвалъ покрывала съ богини, но и не прикасался къ нему, я стараюсь выразить мое почтеніе къ «Неизвѣданной» тѣмъ, что въ моихъ повѣстяхъ лучшія и достойнѣйшія роли раздаю ея жрецамъ, внутренно радуясь, что не вступилъ съ ними въ конкуренцію. Судьбѣ было угодно, чтобы моимъ единственнымъ паціентомъ осталась маленькая собачка, которой англійскій догъ въ двухъ мѣстахъ перекусилъ переднюю лапку; не слышавъ никогда ни слова о клейстерныхъ повязкахъ, я устроилъ ей лубки при помощи картона, клея и суровыхъ нитокъ и успѣшно вылѣчилъ поврежденіе.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

* * *

Стихотв. **А. М. Иванова**

Не свѣтлая струйка ручья
Съ журчаніемъ сладостнымъ льётся:
Смѣётся шалунья моя,
Безпечно и звонко смѣётся.

Я думаю: «Смѣйся, дитя!
О, смѣйся, покуда смѣётся!
Когда-то такъ-точно и я
Смѣялся. Но время несётся...

Безпечность забота смѣнитъ,
А радость—тяжелое горе:
Ручей мелководный журчитъ,
Но стонетъ глубокое море.

Золото и имя.

(Романъ шведской писательницы г-жи **Шварцъ**.)

ЧАСТЬ I.

I.

ъ концѣ октября 18— года въ Стокгольмѣ нѣсколько дней къ ряду шелъ дождь, обратившій сточныя канавы въ настоящіе потоки. На Адольфъ-Фридрихской церкви пробило семь. При послѣднемъ ударѣ часовъ, изъ подвала тюрьмы вышелъ человѣкъ небольшого роста въ пальто съ поднятымъ воротникомъ и въ шапкѣ, надвинутой на лобъ; онъ завернулъ въ почти совсѣмъ неосвѣщенный тюремный переулокъ. Подойдя къ воротамъ одного дома, онъ, повидимому, сталъ кого то ожидать. Въ четверть восьмого на дворѣ послышались шаги и изъ калитки вышла женщина, неся что-то подъ шалью. Поджидавшій ее человѣкъ быстро подошелъ къ ней съ вопросомъ: «ну что какъ!»

— Все кончено, отвѣчала взволнованная женщина.

— Пойдемъ! прошепталъ мужчина и, пройдя нѣсколько шаговъ, снова спросилъ:—Что вы подразумѣваете подъ словомъ кончено?

— Она умерла.

Не говоря ни слова пошли они дальше. Войдя въ Королевскую улицу они сѣли на извозчика, стоявшаго на углу тюрьмы, и приказали ему ѣхать въ каретную улицу. При тряскѣ дребезжащаго экипажа изъ подъ шали женщины послышался плачъ, заставившій мужчину содрогнуться. Пріѣхавъ домой, они молча поднялись въ четвертый этажъ, подъ самую крышу. Дождь и вѣтеръ стучали въ крышу и окошко; войдя въ темную, но теплую комнату, мужчина зажегъ сальную свѣчку, слабый, копотный свѣтъ которой освѣтилъ большую, чисто, но бѣдно меблированную комнату.

Грустно осмотрѣвшись, Лотти, снявъ шаль, нагнулась къ ребенку и горько заплакала.

— Мальчикъ или дѣвочка? спросилъ мужчина, отодвинувъ свѣчу.

— Дѣвочка, отвѣчала Лотти.

— Ну хоть это хорошо! прошепталъ онъ, уходя въ маленькую заднюю комнату.

Лотти, не переставая плакать, сѣла на скамейку и принялась укачивать ребенка. Мужчина, вернувшись, поправилъ огонь и попросилъ Лотти разсказать ему о случившемся въ тюрьмѣ.

— Ахъ, г. Бромеръ, не многое придется разсказывать, отвѣчала Лотти.—Два часа послѣ рожденія дѣвочки скончалась мать. Она уснула тихо, безъ страданій, послѣдними ея словами были: «Лотти, возьми дѣвочку подъ свое покровительство и попроси г. Бромера сдержать слово. Господи! сжалься надъ бѣднымъ ребенкомъ и несчастнымъ отцемъ ея!»

Бромеръ уставилъ задумчивый взглядъ въ огонь, не обращая вниманія на рыданія няни и плачъ ребенка; мы воспользуемся этимъ, чтобы въ нѣсколькихъ чертахъ описать это лицо, кажущееся съ перваго взгляда некрасивымъ, даже отталкивающимъ.

Ааронъ Бромеръ былъ человѣкъ лѣтъ сорока съ небольшимъ, худой съ разстроеннымъ видомъ, жидкими темными волосами, широчайшимъ подбородкомъ, выпуклымъ лбомъ, съ длиннымъ носомъ, большимъ ртомъ, толстыми губами и густыми бровями, изъ подъ которыхъ выглядывали блестящіе, хотя и маленькіе глаза. Взглядъ этихъ глазъ мирилъ со всѣмъ, что было отталкивающаго въ Бромерѣ.

— Перестаньте плакать, это ни къ чему не приведетъ, сказалъ наконецъ Бромеръ;—слезами не разбудишь мертвой, не возвратишь ребенку родителей и уважаемаго имени. Лучше не терять попусту времени, послушайте меня. Я обѣщалъ усыновить ребенка и сдержу слово, но вы знаете, что я человѣкъ бѣдный. Въ этой комнатѣ должны жить вы, Лотти, съ ребенкомъ; я же поселюсь въ маленькой, рядомъ. На необходимое хватитъ; сосѣдямъ слѣдуетъ выдавать дѣвочку за мою дочь; я не пользуюсь хорошей славой, но все же не такой дурной, какъ тотъ, кому она обязана жизнью. Теперь же, Лотти, вы должны объявить рѣшительно, хотите вы остаться няней ребенка и обречь себя на лишенія или желаете разстаться съ дѣвочкою, предоставивъ ее мнѣ одному. Я буду ждать вашего отвѣта до завтра, и въ случаѣ вашего отказа пріищу другую няню ребенку.

— Мнѣ не нужно времени для размышленія, отвѣчала Лотти;—я обѣщала матери ухаживать за ребенкомъ и сдержу свое слово; гдѣ ребенокъ, тамъ останусь и я, прибавила она, прижимая его къ груди съ материнской нѣжностью.

Устроивъ ихъ, Бромеръ ушелъ въ свою комнату безъ печи и оконъ и освѣщаемую только стеклянной дверью изъ большой комнаты; меблировка ея состояла изъ неотесанной кровати, деревяннаго стула и большого сундука. Онъ какъ-то машинально сѣлъ на кровать и задумался. Слабое мерцаніе сальной свѣчи, воткнутой въ бутылку, бросало меланхолическій свѣтъ на него и, казалось, принимало участіе въ его грустныхъ думахъ. Цѣлый часъ сидѣлъ онъ, не двигаясь съ мѣста, потомъ подошелъ къ сундуку, открылъ его и, вынувъ тонкій бумажникъ, принялся считать находящіяся въ немъ деньги, которыхъ оказалось всего 450 рейхсталеровъ. Расправивъ ассигнаціи, онъ со вздохомъ положилъ ихъ обратно и опять задумался. Много лишеній вынесъ онъ, накапливая эту маленькую сумму, онъ твердо рѣшился не дотрагиваться до нея, а теперь приходилось ее истратить, иначе нечѣмъ содержать ребенка. Взявъ изъ кармана другой бумажникъ съ двумя рейхсталерами онъ замѣтилъ пожелтѣвшую отъ времени бумагу, оказавшуюся завѣщаніемъ его матери. «Сынъ мой, писала она,—для пріобрѣтенія имени необходимы заслуги и честность; для пріобрѣтенія денегъ нужны трудъ, терпѣніе и хитрость. Ты бѣденъ—начни работать; ты безъ имени—старайся достигнуть его честнымъ исполненіемъ своего долга. Работою и честностью ты пріобрѣтешь необходимое».

Сложивъ бумагу, Бромеръ припомнилъ свою прошлую жизнь, полную тяжелыхъ невзгодъ.

— Прошлаго не воротишь, сказалъ онъ громко,—возможность пріобрѣсти имя и надежда работою достигнуть состоянія не осуществились; остается одно: пуститься въ спекуляціи. Я долженъ разбогатѣть; это дѣло рѣшенное, тѣмъ болѣе теперь, когда надо обезпечить ребенка. Многіе начинали ни съ чѣмъ, я же имѣю 500 рейхсталеровъ. Сдѣлаюсь купцомъ.

Затѣмъ Бромеръ легъ спать и въ квартирѣ воцарилась полная тишина.

II.

Прошло девять лѣтъ. Наступила весна, майское солнце весело освѣщало церковные куполы и крыши домовъ въ столицѣ. Но городъ, съ его тѣсными узкими улицами, казался еще мрачнѣе обыкновеннаго. Тяжело было на душѣ у тѣхъ, кто не могъ оставить его и проводить весну среди зелени, вдыхая въ себя свѣжій здоровый воздухъ.

Пробираясь по переулкамъ къ Купеческому рынку, каждый непремѣнно наткнется на лавку для продажи стараго платья, не существовавшую девять лѣтъ назадъ. Если кто обращался съ вопросомъ къ торговцу, чья это лавка, тотъ отвѣчалъ: «Она принадлежитъ торговцу платьями и закладчику Бромеру», и при этомъ съ презрѣніемъ осматривалъ человѣка, незнающаго Бромера, скупавшаго старое и новое платье, дававшаго деньги, за небольшіе проценты, подъ залогъ золота, серебра, платья и закладныхъ билетовъ, торговавшаго также мебелью.

Ни одинъ аукціонъ не проходилъ безъ Бромера. Полиція слѣдила за его дѣйствіями и убѣждалась, что краденыхъ вещей онъ не покупалъ.

Въ квартирѣ Бромера, въ Каретной улицѣ, меблировка оставалась прежняя, прибавилось только бюро, да вмѣсто одной кровати стояли теперь двѣ.

Лотти сидѣла у стола и усердно шила; у открытаго окна, взобравшись на стулъ, стояла девяти-лѣтняя дѣвочка, облокотясь на окошко и положивъ подбородокъ на сложенныя руки. Она слѣдила за тучами на голубомъ небѣ, взоръ ея выражалъ нетерпѣніе и неудовольствіе. Это было обыкновенное дѣтское лицо, ни красивое, ни уродливое, — про которое трудно было сказать, разовьется оно до красоты или останется самымъ зауряднымъ; оно отличалось только чрезвычайной блѣдностью; богатые темные волосы падали на спину дѣвочки толстыми косами. Она была одѣта просто, но чисто.

— Чему ты удивляешься, Эльвира, замѣтила Лотти, переставая работать, — подойди ко мнѣ, дитя мое, и разскажи мнѣ, о чемъ ты думала? Мнѣ кажется ты смотрѣла на небо.

Эльвира встала со стула съ видимымъ неудовольствіемъ и медленными шагами, опустивъ голову, подошла къ Лотти.

— Ну, Эльвира, отчего ты не отвѣчаешь на вопросъ няни. Я увѣрена, что ты думала о чемъ-нибудь пріятномъ Богу, чего же тебѣ стыдиться своихъ мыслей, которыя...

— Довольно, няня; мнѣ не нравятся твои слова; мнѣ скучно, что ты постоянно говоришь про Бога, — сказала съ сердцемъ дѣвочка и ея блѣдныя щеки покраснѣли.—Было бы гораздо веселѣе, если бы ты играла со мной, когда я скучаю. Я бы желала улетѣть далеко, далеко; знаю, что этого нельзя, потому мнѣ и кажется, что Богъ, папа и ты сердитые; зачѣмъ вы запираете меня. Дѣтямъ башмачника, нашего сосѣда, позволяютъ играть на улицѣ, — мнѣ и выйти нельзя. Не хорошо, что ты не позволяешь мнѣ играть съ ними; не хорошо, что папа запрещаетъ мнѣ выходить изъ этой противной комнаты, а Богъ допускаетъ папу и няню быть такими сердитыми.

Лотти обомлѣла отъ удивленія.

— Господи, прости ребенку, она грѣшитъ по невѣдѣнію! сказала она.

— Не говори такъ, няня, закричала Эльвира,—или я брошусь въ окошко. Непремѣнно брошусь, ты же будешь виновата.

— Дитя, сказала Лотти, схвативъ ребенка за обѣ руки, — не смѣй такъ говорить; ты должна благодарить Бога, что съ тобою всѣ такъ добры.

— Но мнѣ хочется на улицѣ поиграть, сказала Эльвира, переставъ плакать и вытирая глаза руками;—съ тѣхъ поръ какъ растаялъ снѣгъ, ты ни разу не взяла меня съ собой и никогда не позволяешь мнѣ, къ другимъ, попрыгать, посмѣяться и поиграть, а этого-то именно я и хочу. Послушай, не хочу я больше сидѣть въ комнатѣ, не хочу быть одна съ тобой, не хочу...

— Господи, развѣ такъ можно говорить, Вира, прервалъ ее сильный мужской голосъ,—какъ это не хорошо!

Повернувшись, Эльвира увидала передъ собою Бромера, смотрѣвшаго на дѣвочку не строго, даже не серьезно, а съ плутовскою улыбкой; она нагнула голову, Бромеръ продолжалъ:

— Тебя опять разсердила няня. Не хорошо

РУССКА ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ПИРАДСКАГО.

Вазу нщину?

Рѣзалъ на гцъ въ Варшавѣ.

она поступаетъ съ тобою: она, по глупости, день и ночь работаетъ для тебя, всегда добра съ тобою и любитъ тебя.

Бромеръ замолчалъ. Лотти нагнулась, чтобы скрыть волненіе; дѣвочка же застѣнчиво выглядывала изъ подлобья, кусая ногти.

— Если бы няня была хороша съ тобой, продолжалъ Бромеръ, — она поѣхала бы съ нами въ Гагу, теперь же пусть сидитъ дома, пока мы гуляемъ, подѣломъ ей.

Мигомъ просвѣтлѣла дѣвочка; подскочивъ и обнявъ Бромера, она стала просить его не говорить этого, потому что вѣдь она сама, Вира, капризничала; была непослушна и не заслуживала ихъ заботъ. Лицо Бромера прояснилось, когда дѣвочка отъ него подскочила къ Лотти, прося прощенія.

Черезъ часъ втроемъ они сѣли въ экипажъ, дожидавшій ихъ у воротъ. Эльвира была до нельзя счастлива позволеніемъ прыгать, рвать цвѣты и ловить бабочекъ.

Бромеръ сидѣлъ на скамейкѣ, слѣдя глазами за дѣвочкою; Лотти собирала зелень для украшенія своей комнаты.

— Эльвира! позвалъ Бромеръ.

Дѣвочка подскочила къ нему.

— Счастлива-ли ты? спросилъ онъ, гладя ее по щекѣ.

— Мнѣ очень весело, отвѣчала дѣвочка.

— А завтра, когда ты останешься одна съ Лотти, ты опять будешь сердиться и браниться съ нею, сказалъ Бромеръ.

— Да, вздохнувъ, отвѣчала дѣвочка,—вѣрно мнѣ опять будетъ досадно; мнѣ кажется, какъ только я остаюсь одна съ няней, что всѣ сердитые, и я не могу быть послушной; а вотъ на воздухѣ я очень люблю Бога, тебя и няню.

— Если ты постоянно будешь жить въ деревнѣ, обѣщаешь быть послушной? спросилъ Бромеръ.

— О, непремѣнно, если ты будешь пускать меня въ лѣсъ, а не запирать, какъ теперь. Скажи мнѣ, папа, отчего ты не позволяешь мнѣ играть съ другими дѣтьми?

— Не будемъ говорить объ этомъ. Я лучше скажу тебѣ новость, которая обрадуетъ тебя.

— Что такое? Скажи скорѣй, просила Эльвира, прыгая около Бромера.

— А вотъ что, вы съ Лотти оставите черезъ два дня вашу комнату и уѣдете на все лѣто въ деревню.

— А ты какъ? спросила дѣвочка съ радостно блестящими глазами.

— Гм! я буду навѣщать васъ. Ну рада-ли ты, моя дѣвочка.

Глаза Эльвиры наполнились слезами; она обняла Бромера и прошептала:

— Богъ и ты очень добры ко мнѣ и нянѣ; Вира никогда не будетъ больше капризничать.

Подбѣжавъ къ Лотти, она съ восторгомъ разсказала ей новость.

«Я правъ, дѣвочкѣ необходимы свобода и воздухъ, думалъ Бромеръ, слѣдя за нею глазами,— но этого недостаточно: необходимо и воспитаніе».

Черезъ недѣлю Лотти съ Эльвирой квартировали у вдовы пробста (благочиннаго) Сабины Брогренъ, въ Альтронѣ, расположенномъ на берегу бухты. На маленькомъ дворѣ росли большія сосны; подлѣ разстилались зеленые луга, а далѣе виднѣлись высокія горы.

Недавно овдовѣвъ, Брогренъ стала отдавать квартиры и намѣревалась открыть женскій пансіонъ, чтобы имѣть средства на воспитаніе двухъ сыновей. Лотти и Эльвира были ея первыми жильцами; осенью надѣялась она открыть пансіонъ, для начала съ восемью воспитанницами, которыхъ помѣщали къ ней по рекомендаціи полковника Стангенскіольда изъ Тимасіо.

Вдова Брогренъ, хитрая и бережливая, была болтлива, дѣятельна и не вспыльчива; не любя никого, кромѣ себя и сыновей, на остальной свѣтъ она смотрѣла какъ на средство извлеченія для себя выгодъ. Выдающейся чертой ея характера было чрезмѣрное любопытство. Бромеръ хорошо платилъ за Лотти и Эльвиру. Вдова рѣшила держать ихъ, какъ можно дольше у себя. Она уговорила Бромера оставить у нея Эльвиру на воспитаніе. Замѣтивъ же, что Лотти набожна, хитрая вдова завела у себя утреннія и вечернія молитвы, чѣмъ привлекла ее на свою сторону.

Эльвира была весела и счастлива. Въ комнату она прибѣгала только обѣдать и спать, остальное же время играла на воздухѣ.

Недалеко отъ Альтрона находилось имѣніе богатаго полковника Стангенскіольда, Тимасіо. Полковника съ семействомъ ждали только къ концу лѣта, что давало возможность Эльвирѣ съ дѣтьми Кистера свободно посѣщать паркъ. Въ одну изъ этихъ прогулокъ Эльвира познакомилась съ дочерью инспектора. Теперь Эльвира наслаждалась вполнѣ свободой, Бромеръ позволилъ гулять, бѣгать и играть, сколько она хочетъ. Лотти, которой очень трудно было въ чемъ-нибудь отказать Эльвирѣ, была очень довольна этимъ позволеніемъ.

Въ то время какъ Эльвира наслаждалась бѣготней на воздухѣ, Лотти работала на крыльцѣ; любопытная вдова часто присаживалась съ цѣлью поразвѣдать кое о чемъ. Но Лотти была неразговорчива и пасторша узнала отъ нея только, что Эльвира дочь Бромера и что мать дѣвочки умерла давно. Но стороной вдова развѣдала, что Бромеръ никогда не былъ женатъ, и вывела, что вѣроятно, Лотти мать Эльвиры. Отсюда явилось заключеніе, что торговцу платьевъ вполнѣ прилично жениться на Лотти. Вдова не замедлила тонко намекнуть объ этомъ Лотти, но та не поняла этого намека.

Разъ какъ-то вдова заговорила о сосѣднихъ помѣстьяхъ.

— Самое ближайшее къ намъ, Тимасіо, сказала она.

— Развѣ Тимасіо близко отсюда? спросила Лотти, переставая работать.

— Очень близко; моя березовая роща рядомъ съ паркомъ. А вы знаете это имѣніе? спросила вдова, посмотрѣвъ на Лотти черезъ очки.

— Я объ немъ слыхала, сказала Лотти, принимаясь снова за работу.

— Тимасіо прежде принадлежало фабриканту Гарлену, вдовцу съ двумя дочерьми. Весело здѣсь было около Иванова дня, когда владѣльцы пріѣзжали въ Тимасіо; остальное время они жили на фабрикѣ въ Рослагенѣ. Имѣніе и фабрика перешли къ полковнику, послѣ отъѣзда фабриканта за границу.

— Вы говорите о полковникѣ Стангенскіольдѣ? спросила Лотти.

— Да, а вы знаете его?

— Нѣтъ не знаю; я слышала о немъ.

— Вѣроятно, какъ объ очень странномъ человѣкѣ.

Лотти утвердительно кивнула головой, пасторша же продолжала.

— Говорятъ, полковникъ ухаживалъ за обѣими дочерьми фабриканта, сначала за старшей, сбѣжавшей съ конюхомъ, когда ихъ обрученіе считалось рѣшеннымъ...

— Неправда, вспыльчиво прервала ее Лотти, дѣвица Агда не сбѣжала, а вышла замужъ.

— Господи! да никакъ вы знакомы съ исторіей Гарленовъ, мнѣ было бы очень интересно съ ней познакомиться. Самые странные слухи ходили про бѣгство дѣвицы Агды; много говорили объ ея странностяхъ и нехорошо отзывались объ ней.

Лотти вспыхнула, глаза ея заблестѣли, но черезъ нѣсколько минутъ, придя въ себя, она спокойно отвѣчала:

— Я ничего не знаю объ этомъ семействѣ, исключая того, что дѣвица Агда не сбѣжала и никогда не была обручена съ полковникомъ Стангенскіольдомъ.

Пасторша, не смотря на всѣ свои старанія, не могла больше ничего добиться отъ Лотти.

Половина лѣта прошла; Бромеръ, раза два пріѣзжавшій посмотрѣть на свою дочь, обѣщался провести праздники въ Альтронѣ. Вскорѣ они должны были наступить и въ домѣ вдовы дѣлались разныя приготовленія къ пріему ея сыновей.

Эльвира противъ обыкновенія сидѣла дома, ожидая мальчиковъ. Въ четыре часа лодка отправилась къ пароходу на встрѣчу гостямъ; Эльвира встала на мостъ, желая первой увидѣть ихъ пріѣздъ. Наконецъ показался пароходъ. «Ахъ какъ весело», думала Эльвира, съ удвоеннымъ интересомъ слѣдя за нимъ. Когда же лодка подъѣхала почти подъ мостъ, дѣвочка, подошедшая близко къ барьеру, потерявъ равновѣсіе полетѣла внизъ головой и скрылась въ волнахъ. Черезъ нѣсколько секундъ она была въ лодкѣ. Придя въ себя она принялась кричать во все горло. Лотти, сидѣвшая на крыльцѣ, побѣжала къ мосту, за нею пасторша съ полнымъ передникомъ сухарей; при видѣ мокрой, кричавшей Эльвиры пасторша съ испуга выпустила передникъ и всѣ сухари полетѣли на сидѣвшаго въ лодкѣ младшаго сына. Такова была встрѣча, сдѣланная господамъ Брогренамъ; оба они были очень недовольны дѣвочкою, изъ-за которой одинъ промокъ насквозь, а другой былъ осыпанъ сухарями.

Лотти, испугавшаяся не менѣе дѣвочки, схватила ее на руки, опасаясь, чтобы эта неожиданная холодная ванна не имѣла опасныхъ послѣдствій. По возвращеніи домой Эльвиру уложили въ постель; на другое же утро она встала совсѣмъ здоровою.

До обѣда Эльвира успѣла познакомиться съ Карломъ и Фредерикомъ Брогренами; къ ея величайшей досадѣ оба, какъ по лѣтамъ, такъ и по развитію совсѣмъ не подходили къ ней. Карлъ, красивый, серьезный мальчикъ, семью годами старше Эльвиры, кончалъ уже курсъ гимназіи. Фредерикъ былъ двумя годами моложе брата, большого роста, но не такой красивый и серьезный. Онъ съ презрѣніемъ смотрѣлъ на девятилѣтнюю крикунью и не намѣренъ былъ сходиться съ нею, не смотря на строжайшія наставленія матери, просившей его обходиться получше съ Лоттой и Эльвирой. Карлъ же, за завтракомъ сталъ шутить съ Эльвирою, насмѣхаясь надъ ея вчерашней ванной, и къ обѣду они были друзьями. Фредерикъ уѣхалъ на озеро, предоставивъ брату занимать Эльвиру. «Какъ красивъ Карлъ, думала дѣвочка,—и какой онъ добрый и ловкій». Фредерика же она не взлюбила.

Въ сумерки Иванова вечера пріѣхалъ Бромеръ и привезъ всѣмъ подарки, поручивъ раздавать ихъ Эльвирѣ, которую очень радовалъ подарокъ для Карла, бумажникъ съ серебрянымъ карандашемъ, но за то ей досадно было, что и некрасивый Фредерикъ получитъ такой же.

Пасторша была необыкновенно любезна съ Бромеромъ, хвалила Эльвиру и восхищалась Лотти; она понимала, что закладчикъ Бромеръ, имѣя сношенія со многими, могъ быть ей полезенъ и потому рѣшилась просить его о доставленіи ей воспитанницъ, прежде же всего оставить у нея на воспитаніе Эльвиру, на что онъ и согласился.

Карлъ, къ горю Эльвиры, пробылъ въ Альтронѣ только двѣ недѣли. Фредерикъ остался до конца лѣта и хотя постоянно дразнилъ Эльвиру, но все же былъ добрѣе безъ Карла, каталъ ее въ лодкѣ, позволялъ садиться на свою лошадь, ко-

печно, безъ вѣдома Лотти, которая обмерла бы со страху, увидя свою питомицу на лошади. Такъ прошло нѣсколько недѣль. Но тутъ случилось обстоятельство, заставившее Фредерика уѣхать ранѣе назначеннаго времени.

Въ началѣ августа въ Тимасіо пріѣхалъ полковникъ Стангенскіольдъ съ кучей гостей.

— Сколько дѣтей у полковника Стангенскіольда? спросила Лотти и насторшѣ показалось, что она измѣнилась въ лицѣ.

— Одна дочь, отвѣтила насторша,—дѣвочка двумя годами старше Эльвиры, замѣчательной красоты, но Марту никто не любитъ; она высокомѣрна и деспотична, избалована родителями, у которыхъ изъ восьми дѣтей въ живыхъ осталась только она одна; всѣ остальные умерли очень маленькими.

— Знаешь-ли, Эльвира, что въ Тимасіо пріѣхали сегодня господа, сказала Лотти, оставшись одна съ Эльвирой.

— Конечно, знаю. Я съ дочерьми приказнаго видѣла, какъ они пріѣхали; съ ними было столько вещей, прислуги и гостей, что можно бы подумать, что пріѣхалъ самъ король. Ахъ, какъ будетъ весело смотрѣть на нихъ! Мая, дочь приказнаго, говоритъ, что у нихъ будутъ иллюминаціи, танцы, охоты, катанья по озеру. Знаешь, Лотти, паркъ будетъ освѣщенъ разноцвѣтными огнями; въ саду устроена загородка; тамъ, нарядясь въ золото и серебро, они будутъ играть театръ. Ахъ, какъ будетъ весело смотрѣть на все это!

Эльвира запрыгала, хлопая въ ладоши; Лотти же смотрѣла на нее съ грустью, едва удерживая слезы. Когда дѣвочка успокоилась, Лотти сказала ей тихимъ и серьезнымъ голосомъ:

— Моя Эльвира не пойдетъ смотрѣть на эти удовольствія.

— Отчего? спросила удивленная дѣвочка.

— Папа этого не желаетъ. Слушай меня со вниманіемъ. Эльвира не должна ходить въ Тимасіо, не должна играть въ паркѣ. Я сейчасъ же возьму Эльвиру въ городъ, опять на старую квартиру, если она не послушается, и мы никогда не будемъ больше жить въ деревнѣ. Не забудь этого и пойми, что я говорю серьезно.

— Но, милая няня, начала Эльвира.

— Довольно, дитя мое, иди спать и помни, что на этотъ разъ я не допущу непослушанія.

Эльвирою вообще очень легко было управлять не смотря на ея живость и изрѣдка упрямство, она вообще была послушна. Запрещеніе Лотти разрушило всѣ ея веселыя мечты, но она отправилась спать, не показывая неудовольствія, а думая про себя: «Няня говоритъ глупости, запрещая мнѣ ходить въ Тимасіо; она передумаетъ и сниметъ запрещеніе. Во всякомъ случаѣ, мнѣ необходимо увидать разноцвѣтные огни, хорошенькихъ дѣвушекъ и всѣ прелести, про которыя разсказывали дѣти приказнаго. Въ этомъ нѣтъ ничего худого, Богъ бы мнѣ этого не запретилъ, а если я не грѣшу противъ Бога, то няня не имѣетъ права запретить мнѣ идти туда».

Два дня Эльвира не ходила въ Тимасіо, ей и безъ того было много дѣла. Въ воскресенье старшая дѣвочка приказнаго предложила прогулку въ Тимасіо; господа куда-то уѣхали, надо было воспользоваться случаемъ посмотрѣть новую палатку и заглянуть въ прелестный павильонъ. Эльвира объявила, что Лотти запретила ей ходить въ Тимасіо, но Мая объяснила, что такъ какъ полковника нѣтъ, то и запрещеніе ничего не значитъ. Вскорѣ онѣ подошли къ парку, ворота, ведущія въ березовую рощу, были заперты, но онѣ, не обративъ на это вниманія, съ ловкостью перебрались черезъ изгородь и подошли къ палаткѣ изъ бѣлаго полотна съ красными полосами. Дочери приказнаго издали съ восхищеніемъ смотрѣли на этотъ полотняный домъ, Эльвира же, какъ болѣе предпріимчивая и хотѣвшая посмотрѣть, что находилось внутри, подняла занавѣсъ и вошла. Меблировка состояла изъ камышевыхъ стульевъ, столовъ и дивана какой-то особенной формы; сперва она сѣла на стулъ, потомъ захотѣла попробовать, удобно-ли сидѣть на этомъ диванѣ. Едва успѣла она принять удобное положеніе, какъ послышались голоса, занавѣсъ палатки поднялся и на порогѣ показалась не Мая съ сестрами, а дѣвочка лѣтъ одиннадцати или двѣнадцати, съ худымъ старымъ мужчиной и собакою. Громко лая, собака бросилась на Эльвиру, вскочившую со страхомъ; при этомъ движеніи собака схватила ее за ногу. Эльвира закричала.

— Сюда, Примусъ! позвалъ мужчина.

Примусъ отошелъ, а дѣвочка закричала, подскочивъ къ Эльвирѣ:

— Что ты тутъ дѣлаешь? Кто тебѣ позволилъ входить въ мою комнату? Какъ смѣешь ты входить въ нашъ паркъ, когда входъ запрещенъ? Неужели ты не накажешь ее, папа, за то, что она вошла сюда, да еще легла на мой диванъ? Папа, я разсержусь, если ты не прибьешь ее.

— Собака укусила меня, хныкала Эльвира.

— По справедливости, слѣдовало бы прибить тебя за то, что ты пробралась сюда, когда всѣмъ дѣтямъ запрещенъ входъ въ паркъ, сказалъ мужчина, поднимая палку. — Ну, убирайся, если не хочешь познакомиться съ моей палкой.

— Я избавлю ее отъ этого, сказалъ Фредерикъ, явившійся на порогѣ и толкнувъ при этомъ дѣвочку, такъ, что та наскочила на стулъ, взялъ Эльвиру на руки.

— Какъ ты смѣешь поднимать руку на мою дочь, закричалъ мужчина, загородивъ дорогу смѣлому мальчику;—не знаешь ты развѣ съ кѣмъ имѣешь дѣло или воображаешь, что моя палка не найдетъ дороги къ твоей спинѣ?

— Попробуйте, сказалъ мальчикъ, ставя Эльвиру на полъ и быстро вырвалъ палку изъ руки владѣльца парка и такъ ударилъ ею подбѣжавшую собаку по носу, что та, визжа, отбѣжала въ уголъ. Схвативъ Эльвиру лѣвою рукою и размахивая правою, въ которой находилась палка, Фредерикъ быстро исчезъ за изгородью.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Фридрихъ Шопенъ.

Ст. П. В. Га—на.

(*Окончаніе.*)

Въ одинъ изъ дождливыхъ дней, Шопенъ, оставаясь до вечера дома, вспомнилъ, что въ этотъ день бываетъ пріемъ у графини С., у которой собирается избранное парижское общество. Пріѣхавъ на вечеръ, Шопенъ нашелъ у графини нѣсколько незнакомыхъ ему дамъ. Когда большая часть гостей разъѣхалась и остались только близкія друзья хозяйки, тогда Шопенъ сѣлъ за рояль и началъ импровизировать.

Забывъ все окружающее, онъ съ увлеченіемъ и долго игралъ; окончивъ импровизацію, Шопенъ увидѣлъ стоявшую у рояля даму, смотрѣвшую на него съ глубокою страстью въ черныхъ глазахъ. Этотъ взглядъ незнакомки заставилъ покраснѣть Шопена; желая отдохнуть, Шопенъ сѣлъ за группой стоящихъ вблизи рояля растеній; незнакомка тотчасъ же подошла къ нему въ сопровожденіи Листа и обратилась съ словами восторга и удивленія къ его таланту, разсказавъ при этомъ и содержаніе его импровизаціи, какъ она поняла ее. Шопенъ былъ пораженъ, что эта женщина угадала вполнѣ его душевное настроеніе. Ему было пріятно видѣть себя понятымъ въ особенности женщиной, умѣвшей въ выраженіяхъ полныхъ блестящаго ума и поэзіи оцѣнить не только его игру, но и чувство грусти, руководившее имъ въ импровизаціи. Дама, говорившая съ Шопеномъ, была знаменитая писательница, Аврора Дюдеванъ (Aurora Dudevant), романы которой, подъ именемъ Жоржъ Зандъ, были извѣстны ему. Вскорѣ послѣ встрѣчи съ нею Шопенъ писалъ къ роднымъ своимъ: «Недавно я познакомился съ знаменитою писательницей, Dudevant, извѣстной въ литературѣ подъ именемъ Жоржъ Зандъ, но лицо ея мнѣ показалось не симпатичнымъ; она мнѣ не нравится; въ ней есть что-то отталкивающее». Но каждая новая встрѣча Шопена съ Жоржъ-Зандъ заставляла его невольно забывать ея некрасивыя черты лица.

Страстная любовь Ж. Зандъ, звучавшая въ каждой фразѣ обращенной къ Шопену, придавала ей какую-то робость, которая и производила глубокое впечатлѣніе на его сердце. Въ началѣ Шопенъ былъ только благодаренъ знаменитой писательницѣ за ея любовь къ нему; позднѣе онъ полюбилъ ее, хотя менѣе страстно, чѣмъ она, но искренно.

Любовь писательницы съ европейскою славой наполняла его душу понятною гордостью. Шопенъ уже не чувствовалъ болѣе одиночества, потому что въ Аврорѣ онъ нашелъ не только любящую подругу, но и умнаго, вѣрнаго друга. Со времени сближенія съ нею, Шопенъ рѣже появлялся въ обществѣ и проводилъ время въ небольшомъ кругу своихъ близкихъ друзей. Францъ Листъ, Фердинандъ Гиллеръ и баронъ Штокгаузенъ, бывшій ганноверскимъ посланникомъ въ Парижѣ, остались, вѣроятно, теперь единственными свидѣтелями интимныхъ вечеровъ у Шопена въ улицѣ Шоссе-д'Антенъ. Его часто посѣщали здѣсь нѣмецкій поэтъ Гейнрихъ Гейне; знаменитый композиторъ Мейерберъ; лучшіе живописцы: Шеферъ, Делакруа; первый въ то время теноръ въ Европѣ, Нурри, и небольшой кружекъ его земляковъ, въ числѣ которыхъ былъ и поэтъ Мицкевичъ. Такъ прошло время до осени 1836 г., когда, по возвращеніи Шопена изъ кратковременной поѣздки въ Лондонъ, у него обнаружилось воспаленіе дыхательныхъ органовъ. Врачи совѣтовали ему прожить зимній сезонъ въ южной Франціи; но Ж. Зандъ уговорила Шопена ѣхать съ нею на островъ Майорку, куда она везла своего сына, Морица, для леченья. Съ пріѣздомъ на островъ Шопенъ опасно заболѣлъ. Сырой климатъ и холодное помѣщеніе вызвали у него сильный кашель. Наступившая зима по суровости своей была въ этотъ годъ особенно холодная. Цѣлый мѣсяцъ шелъ проливной дождь, смѣнившійся потомъ снѣгомъ. Безъ любимаго инструмента и при всѣхъ неудобствахъ жизни на островѣ Шопенъ окончательно упалъ духомъ. Онъ видимо худѣлъ и слабѣлъ.

Доктора оставили его, потерявъ надежду возстановить его силы. Впослѣдствіи сказалось, что доктора невѣрно опредѣлили его болѣзнь; леченіе на Майоркѣ повредило только Шопену, неимѣвшему тогда воспаленія въ легкихъ, какъ утверждали врачи, а только общее воспаленіе горловой оболочки. При малокровіи и слабости Шопену предписывали строгую діету и кровопусканіе—піявками. Ж. Зандъ описываетъ это время болѣзни Шопена въ своей исторіи жизни (Histoire de ma vie; Volume 13, Capit. 6 et 7) весьма мрачными красками. Когда изъ Марселя доставленъ былъ рояль и печь для комнаты Шопена, то онъ нѣсколько поправился и здѣсь онъ написалъ свои прелестныя «Прелюдіи». Одна изъ нихъ, № 6, H-moll въ особенности носитъ характеръ глубокаго отчаянія. Только въ концѣ зимы удалось Ж. Зандъ уѣхать съ Шопеномъ обратно въ Парижъ. Послѣ лѣта, проведеннаго въ Ножанѣ, въ имѣніи Ж. Зандъ, здоровье Шопена поправилось на столько, что онъ могъ по прежнему давать уроки по возвращеніи въ Парижъ. По совѣту

докторовъ, Шопену слѣдовало отказаться отъ столичнаго образа жизни; но онъ не въ состояніи былъ проводить вечера внѣ общества и, принимая всѣ приглашенія, еще болѣе разстроилъ свое здоровье. Переѣхавъ въ павильонъ, находившійся при домѣ занимаемомъ Ж. Зандъ, на Орлеанской набережной, Шопенъ былъ очень доволенъ своимъ новымъ помѣщеніемъ. Приглашенный королемъ Луи-Филиппомъ на придворный концертъ 29 ноября 1839 г., Шопенъ игралъ съ знаменитымъ пьянистомъ Мошелесомъ, прибывшимъ изъ Лондона. По словамъ послѣдняго, игранный Шопеномъ ноктюрнъ и нѣсколько этюдовъ привели въ восторгъ королевскую фамилію, которая расточала ему похвалы, какъ дорогому любимцу-артисту.

Въ заключеніе концерта Шопенъ игралъ свою сонату въ четыре руки съ Мошелесомъ. Оба геніальныхъ пьяниста остались довольны другъ другомъ. Помимо этихъ успѣховъ въ аристократическихъ и придворныхъ салонахъ, Шопенъ продолжалъ усердно свою учительскую дѣятельность. Что касается до выбора учениць изъ числа желавшихъ брать у него уроки, то Шопенъ отдавалъ преимущество своимъ землячкамъ, между которыми были: княгиня Чарторижская, рожденная Радзивилъ, княгиня Бово, графиня Платеръ, графиня Чановская, графиня Потоцкая, баронесса Браницкая и другія. Въ числѣ учениць его не изъ польскихъ фамилій, но имѣвшихъ замѣчательныя музыкальныя способности, были г-жа Калерджи, рожденная Нессельроде, вышедшая впослѣдствіи за Муханова, дѣвицы Эмма и Лаура Гарсфордъ, Каролина Гартманъ, Лина Фреппа, баронесса С. Ротшильдъ, мисъ Стирлингъ, княгиня Елизавета Чернышова, княгиня Суццо, графиня Апонии, графиня Пертіусъ, графиня Лобау, графиня Адель Фюрстенштейнъ, Караманъ, Маберли и Миллеръ. Говорили, что Шопенъ отдавалъ предъ всѣми ученицами преимущество г-жѣ Миллеръ за ея выдающіяся способности и въ доказательство приводили посвященіе ей Шопеномъ Allegro de concert, (соч. 46). Впрочемъ, всѣ названныя выше ученицы Шопена брали у него уроки между 1832 — 44 годами, т. е. относительно въ лучшее время его жизни. Тѣже, которыя были его ученицами послѣ 1844 г. въ числѣ ихъ и нѣкоторыя изъ нашихъ соотечественниць, к. н. Марія Гардеръ, не упоминаются біографомъ Карасовскимъ *). Въ числѣ лучшихъ учениковъ Шопена были: венгерецъ Фильтшъ, Гутманъ, Гунтсбергъ, Телефзенъ, Матіасъ — въ настоящее время професоръ парижской консерваторіи, Мицули — нынѣ директоръ музыкальнаго общества въ Львовѣ, Казиміръ Верникъ, умершій въ 1859 году въ Петербургѣ, и Густавъ Шуманъ, живущій и теперь въ Берлинѣ, извѣстный пьянистъ. Шопенъ въ первые двадцать лѣтъ занятій своихъ уроками находилъ въ нихъ большое удовольствіе, если встрѣчалъ хорошія способности и прилежаніе въ ученикахъ, и не выражалъ свойственной многимъ учителямъ музыки-вспыльчивости. Въ послѣдніе же года своей жизни, Шопенъ былъ очень раздражителенъ во время уроковъ; онъ сбрасывалъ ноты съ рояля и дѣлалъ строгіе и суровые выговоры ученикамъ за малѣйшую ихъ ошибку. Въ это время раздраженіе его доходило иногда до того, что онъ ломалъ не только карандаши, но и линейки, сердясь на учениковъ. Правда, подобные взрывы негодованія быстро смѣнялись его природной душевной добротою, но все же они дѣйствовали и тяжело и болѣзненно. Замѣтивъ слезу у провинившагося ученика, Шопенъ старался извинить свою вспыльчивость и сейчасъ же примирялся съ ученикомъ. Когда спрашивали, какъ лучше сыграть извѣстную пьесу, то Шопенъ говорилъ: «Играйте, какъ чувствуете, и сыграете хорошо!» Но подобный совѣтъ рѣдко кому былъ полезенъ и вотъ доказательство. На одномъ изъ вечеровъ у графа Платера присутствовали три знаменитости: Листъ, Гиллеръ и Шопенъ; бесѣдуя о національной музыкѣ, Шопенъ утверждалъ, что кто не родился въ Польшѣ и не сроднился съ сельской жизнью своей родины, тотъ не можетъ обладать вѣрнымъ пониманіемъ мелодіи народной польской пѣсни. Когда Листъ и Гиллеръ не соглашались съ этимъ мнѣніемъ, то хозяинъ предложилъ для рѣшенія спора сыграть каждому изъ нихъ одну и туже мазурку на мотивъ извѣстной пѣсни: «Еще Польша не згинела». Сперва игралъ Листъ, за нимъ Гиллеръ; но каждый игралъ по своему. Шопенъ игралъ послѣднимъ и когда онъ кончилъ, оба соперника призналисъ, что были далеки отъ пониманія того духа мазурки, который придалъ ей своею игрой Шопенъ. Въ первые года жизни въ Парижѣ Шопенъ игралъ на рояляхъ Эрара; позднѣе, когда физическія его силы начали слабѣть, онъ игралъ на рояляхъ Плейл'я. Дѣятельность его, какъ учителя, была изумительна; Шопенъ давалъ отъ четырехъ до пяти уроковъ ежедневно и отказывалъ ученикамъ только въ тѣ дни, когда друзья или знакомые по пріѣздѣ изъ Варшавы навѣщали его, или въ дни своей болѣзни. Подобная усиленная дѣятельность подрывала все болѣе его здоровье, такъ что уже въ 1840 г. у Шопена появились признаки поврежденія въ легкихъ. Проживая каждое лѣто въ Ножан'ѣ, въ имѣніи Ж. Зандъ, онъ возстановлялъ нѣсколько свое здоровье, но Парижская жизнь зимняго сезона снова подрывала его послѣднія силы. Извѣстіе полученное Шопеномъ о смерти его отца (1844) потрясло его слабый организмъ до того, что онъ былъ не въ состояніи написать писемъ къ матери и сестрамъ. Ж. Зандъ написала за него письмо, въ которомъ говорила: «Онъ думаетъ только о Васъ и о сестрахъ, обожаемыхъ имъ безгранично. Я не въ состояніи облегчить его глубокаго горя о понесенной имъ жестокой утратѣ; но буду заботиться о сохраненіи здоровья Вашего сына и окружать его самою нѣжною преданностью, исполняя его малѣйшія желанія, какъ бы Вы сами берегли его. Съ полнымъ сознаніемъ долга я возложила на себя эту отрадную обязанность и никогда не измѣню ей». Письмо оканчивалось словами: «Я рѣшилась писать, чтобы засвидѣтельствовать всю глубину чувства моего уваженія къ Вамъ, какъ къ матери самаго дорогого, обожаемаго мною, друга». Кашель все усиливался у Шопена и не дозволялъ больному ходить по лѣстницамъ; его должны были носить. Въ это-то время стали незамѣтно, мало-по-малу, порываться струны, связывавшія полную силъ и энергіи писательницу съ болѣзненнымъ и раздражительнымъ композиторомъ. Шопенъ замѣчалъ, что Ж. Зандъ относилась къ нему все холоднѣе и холоднѣе. Чувство гордости говорило ему: «Ты долженъ съ нею разстаться, потому, что становишься ей въ тягость». Но чувство приличія и долга протестовало и убѣждало его не оставлять. Не такъ думала Ж. Зандъ: она была слишкомъ самостоятельна, слишкомъ независима, чтобы бояться какихъ-нибудь толковъ и пересудовъ. Подъ вліяніемъ охлажденія къ своему другу, подъ вліяніемъ его вѣчной раздражительности и слабости, Ж. Зандъ стала относиться къ нему критически, анализировать его характеръ, образъ его жизни и вотъ плодомъ этого анализа является ея романъ подъ заглавіемъ: «Лукреція Флоріани». Герой этого романа, князь Карлъ, человѣкъ съ симпатичнымъ, правда, характеромъ, но больной, нервный, ревнивый до крайности, гордый, страстно влюбленный въ Лукрецію, уже не молодую женщину, отказавшуюся отъ большого свѣта, живущую только для своихъ дѣтей. Она своего рода знаменитость въ художественномъ мірѣ и хотя о ея жизни не всегда говорятъ хорошо, но въ дѣйствительности она не заслуживаетъ порицаній общества. Страстная любовь князя была причиной опасной болѣзни, угрожавшей его жизни. Два мѣсяца продолжалось счастіе Карла съ Лукреціей, потомъ все измѣнилось. Несправедливая ревность князя и его раздражительность отдали-ли отъ Лукреціи ея друзей. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ такой страдальческой жизни Лукреція не любитъ болѣе Карла; считаетъ его тираномъ и, не имѣя силъ вынести долѣе его мученій, заболѣваетъ и умираетъ. Читатели романа поняли, что въ героѣ Ж. Зандъ представила Шопена, хотя и въ преувеличенномъ, даже въ каррикатурномъ видѣ. Въ то время говорили, что будто бы писательница до такой степени относилась жестоко къ Шопену, что корректурные листы романа отсылала къ нему для исправленія опечатокъ. Разсказывали и другія подробности, въ родѣ той, что дѣти Ж. Зандъ, показывая Шопену романъ, говорили: «M. Chopin, знаете ли вы, что подъ именемъ князя Карла, maman описала васъ?» Знавшіе, что послужило канвой для этого романа, не находили словъ для порицанія писательницы, которая, не смотря на всѣ старанія оправдать себя устно и печатно, не имѣла по крайней мѣрѣ въ то время желаемаго успѣха. На что же рѣшился Шопенъ? Онъ говорилъ тогда: «Если теперь я разстанусь съ той, которую обожалъ и любилъ, то я обращу тѣмъ романъ въ дѣйствительный фактъ, и предамъ ее порицанію и презрѣнію лучшей части общества». Дѣйствовать твердо и рѣшительно было не въ его характерѣ, какъ это легко могъ замѣтить читатель, просматривая страницы его біографіи. Шопенъ перенесъ и теперь ударъ, нанесенный его самолюбію; но Ж. Зандъ уже не могла болѣе жить съ нимъ подъ одной кровлей. Въ началѣ 1847 г. между писательницей и композиторомъ произошла такая сцена, послѣ которой онъ вынужденъ былъ сказать ей: «Я сегодня же оставляю вашъ домъ и желаю, чтобы для васъ съ этого времени я болѣе несуществовалъ». Невольною причиной къ такому окончательному разрыву была дочь Ж. Зандъ. Въ тотъ же день онъ разстался съ Ж. Зандъ навсегда. Здоровье Шопена еще болѣе разстроилось. Его любимый ученикъ и лучшій другъ, Гутманъ, заботился о немъ во все время его болѣзни. Наступившее лѣто Шопенъ провелъ въ Парижѣ. Наконецъ, онъ рѣшился оставить Францію и поселиться въ Англіи, гдѣ у него было много друзей и учениць, приглашавшихъ его давно къ себѣ. Но прежде, чѣмъ оставить Парижъ, Шопенъ рѣшился дать прощальный концертъ, который и состоялся 16 февраля 1848 года, въ присутствіи избранной публики. Шопенъ былъ глубоко тронутъ сердечнымъ пріемомъ со стороны парижской аристократіи и всѣхъ музыкальныхъ знаменитостей, бывшихъ въ то время въ Парижѣ.

Въ концѣ апрѣля 1848 г. онъ уѣхалъ въ Лондонъ. Его музыкальныя сочиненія пользовались и въ Англіи извѣстностью и пріемъ, оказанный Шопену въ Лондонѣ, былъ самый радушный. Онъ былъ принятъ вездѣ съ тою сердечной симпатіей, которая составляетъ лучшую награду для поэта и художника. Послѣ того, какъ Шопенъ былъ представленъ герцогинею Сутерландскою королевѣ Викторіи и игралъ при дворѣ, онъ ежедневно получалъ приглашенія въ аристократическія дома. Подобная жизнь еще болѣе повредила его

*) Марія Александровна Гардеръ занималась у Шопена втеченіи двухъ зимнихъ сезоновъ 1846 и 47 года; послѣ того Шопенъ не давалъ болѣе никому уроковъ.

Эта послѣдняя ученица Шопена играла при дворахъ: въ Вѣнѣ, Веймарѣ, Ганноверѣ, Дрезденѣ, Берлинѣ и въ Петербургѣ (1854—57), и дала нѣсколько концертовъ съ благотворительною цѣлью въ Вѣнѣ, Лейпцигѣ, Дрезденѣ и въ Петербургѣ. Въ послѣдній разъ она играла весною 1878 г. въ Кронштадтѣ, въ пользу добровольнаго флота, но уже подъ фамиліей своего мужа, автора настоящей статьи. *Прим. ред.*

ИЗЪ ВОЙНЫ СЪ ЗУЛУСАМИ.

Въ засадѣ.

Рѣзалъ на деревѣ въ ксилограф. заведеніи **А. Шлиперъ** въ С.-Петербургѣ

здоровью. Чтобы отдохнуть отъ столичной жизни, Шопенъ рѣшился посѣтить бывшую свою ученицу миссъ Стирлингъ, жившую съ сестрою въ богатомъ помѣстьи въ Шотландіи. Въ Глаcговѣ Шопенъ далъ очень удачный концертъ. Но суровый климатъ Шотландіи и постоянныя туманы уже производили на виртуоза дурное вліяніе. «По утрамъ, писалъ онъ, я ничего не въ состояніи дѣлать, и когда одѣнусь, то чувствую такую слабость, что поневолѣ приходится отдыхать. Послѣ обѣда я долженъ, втеченіи двухъ часовъ, сидѣть съ хозяевами и гостями ихъ, слушать ихъ болтовню объ охотѣ, лошадяхъ и собакахъ, и смотрѣть, какъ они пьютъ стаканъ за стаканомъ. При этомъ смертельная скука овладѣваетъ мною. Думая совсѣмъ о другомъ, я ухожу въ залу, гдѣ, напрягая послѣднія силы, сажусь за рояль и играю, потому что всѣ хотятъ слышать мою игру». Передъ отъѣздомъ изъ Лондона (1849) Шопенъ далъ прощальный концертъ въ пользу земляковъ эмигрантовъ. По пріѣздѣ въ Парижъ, куда онъ рѣшился вернуться, онъ узналъ о смерти своего врача и друга, доктора Молена. Эта потеря приводила Шопена въ отчаяніе; другимъ докторамъ онъ не довѣрялъ. Изъ двухъ послѣднихъ писемъ (въ августѣ и въ сентябрѣ 1849) къ другу его, Войцеховскому, видно, какъ предчувствовалъ Шопенъ свою близкую кончину. Онъ съ полнымъ спокойствіемъ ожидалъ своей смерти, и не разъ выражалъ желаніе быть погребеннымъ на кладбищѣ Père Lachaise, рядомъ съ Беллини, съ которымъ былъ очень друженъ.

Въ первыхъ числахъ октября слабость Шопена усилилась до того, что друзья его рѣшились увѣдомить родныхъ больного. Старшая сестра Шопена, Луиза, пріѣхала изъ Варшавы и неотлучно находилась съ Гутманомъ при братѣ. Вскорѣ пріѣхала въ Парижъ и графиня Потоцкая, чтобы проститься съ дорогимъ своимъ учителемъ. Увидѣвъ ее, Шопенъ просилъ ее спѣть что нибудь для его утѣшенія. Потоцкая спѣла гимнъ къ Пресвятой Дѣвѣ, соч. Страделлы, съ такимъ глубокимъ чувствомъ, что умирающій въ восхищеніи прошепталъ: «О, какъ это прекрасно! Еще разъ, еще разъ прошу!» Графиня спѣла псаломъ изъ соч. Марселло. На другой день Шопенъ чувствовалъ себя лучше и просилъ о совершеніи надъ нимъ соборованія. Послѣ исповѣди и св. причастія, Шопенъ подзывалъ къ себѣ присутствовавшихъ по одиночкѣ и прощался съ ними. Безъ агоніи, безъ страданій физическихъ, Фридрихъ Шопенъ скончался на сороковомъ году жизни, въ два часа утра, семнадцатаго октября 1849 года. Согласно завѣщанію, сердце его было доставлено въ Варшаву, гдѣ и хранится въ церкви Св. Креста. Умирая вдали отъ родины, которую онъ глубоко любилъ, Шопенъ желалъ, чтобы его сердце находилось въ родной землѣ.

Скоро минетъ тридцать лѣтъ со дня смерти Шопена, но память о немъ еще долго будетъ жить въ средѣ поклонниковъ его таланта.

Иза.

Романъ А. Бувье.

(*Продолженіе.*)

Глава IX.

Дѣло объ убійствѣ въ улицѣ Лакюэ.

Старый солдатъ, выходя изъ префектуры, былъ доволенъ собой, хотя не могъ отдѣлаться отъ нѣкотораго безпокойства. Милости и вниманіе, которыми окружали вдову Сегленъ, произвели на него непріятное впечатлѣніе и чтобы избавиться отъ него, онъ повторялъ себѣ, что все-таки онъ исполнилъ свой долгъ: втеченіи двухъ дней онъ успѣлъ розыскать преступниковъ, которыхъ ему поручено было арестовать. Даже болѣе, идя по этому слѣду, онъ успѣлъ спугнуть другую дичь: «Исправительный пріютъ для юношей, совращенныхъ съ истиннаго пути». О чемъ же тревожиться? Между тѣмъ агенту Гюре готовился еще большій сюрпризъ; возвратившись на слѣдующее утро на службу, онъ узналъ, что посѣтители одни за другими являлись цѣлый день и что съ Изой обходились со всевозможнымъ уваженіемъ. Иностранцы, снабженные пропусками, пріѣзжали и разговаривали съ нею въ отдѣльной комнатѣ, служившей ей тюрьмою. Когда же ее потребовали въ кабинетъ императорскаго прокурора, она пошла туда безъ конвоя, безъ сторожа и прокуроръ проводилъ ее при возвращеніи до половины коридора. Гюре узналъ, что если она еще въ Консьержери, то по ея собственному желанію. Одно ея слово и двери передъ нею откроются. Все это казалось страннымъ и Гюре тревожно грызъ усы и морщилъ брови. Быть можетъ, исполняя свою обязанность, онъ сдѣлалъ ошибку? Въ противоположность Изѣ ея сообщникъ Андре Гударъ содержался подъ глубочайшимъ секретомъ; тюремщикъ получилъ строгій наказъ не разговаривать и даже не слушать его.

Очевидно, тутъ было что-то непонятное и агентъ отказывался искать разъясненія. Протекція Оскара де-Вершемона не имѣла болѣе никакого значенія; слѣдователь, удрученный стыдомъ, говорили одни,—горемъ, справедливѣе думали другіе, не показывался въ зданіи суда.

Двухъ плутовъ низшаго разряда, Бойе и Дютилейля, перевезли въ Сен-Пелажи со всѣми участниками мошенничества въ улицѣ Ада.

Тѣмъ не менѣе Гюре узналъ, что назначена очная ставка между Гударомъ и Изой на самомъ мѣстѣ преступленія въ улицѣ Лакюэ. И такъ не смотря на все происходившее, не смотря на предупредительность, которой окружали молодую женщину, ее продолжали считать виновной; это частью успокоивало Гюре и онъ заключилъ свои размышленія слѣдующими словами:

— О чемъ мнѣ тужить: я исполнилъ свой долгъ, только свой долгъ.

И дѣйствительно происходило что-то странное. На другой день послѣ арестованія Изы Зинтской, посланникъ могущественной державы потребовалъ ея выдачи, представляя за нее поручительство; ей тотчасъ же было объявлено, что она можетъ выйти изъ тюрьмы, когда захочетъ. Иза сама отказалась отъ этой милости; ей была отведена отдѣльная комната, обѣдъ приносился изъ города и ей разрѣшено было имѣть для услугъ ея любимую горничную Жюстину; такимъ образомъ заключеніе Изы имѣло видъ добровольнаго убѣжища, а не тюрьмы.

Приглашенная явиться въ кабинетъ слѣдователя, она изящно одѣлась и отправилась туда по длиннымъ коридорамъ, соединяющимъ зданіе суда съ Консьержери, въ сопровожденіи сторожа, который не велъ ее, а лишь указывалъ дорогу. Императорскій прокуроръ всталъ ей на встрѣчу, любезно довелъ до кресла, просилъ садиться, опустился на стулъ почти по ея знаку и, удаливъ письмоводителя, съ улыбкою сказалъ:

— Сударыня, могущественное покровительство, окружающее васъ, мѣшаетъ мнѣ приступить къ цѣли нашей бесѣды. Вы хорошо знаете, что только благодаря вашему желанію, вы до сихъ поръ содержитесь подъ арестомъ...

— Да... Вотъ вамъ въ двухъ словахъ все дѣло. Прежде всего я благодарю васъ за вниманіе, которымъ окружаютъ меня; я не могу достаточно нахвалиться всѣми. Теперь приступимъ къ дѣлу... Въ одной канцеляріи были украдены важныя бумаги; онѣ были похищены женщиной, бывшей въ близкихъ отношеніяхъ съ лицомъ высоко поставленнымъ, умершимъ внезапно почью, когда эта особа была у него; эту женщину выслали, отказали ей въ выдачѣ денегъ, на которыя она заявляла свои требованія!.. И вдругъ стало извѣстно, что эти бумаги большой важности были предложены, нѣкоторыя даже проданы лицамъ особенно въ нихъ заинтересованнымъ... Тогда-то законные ихъ владѣльцы, желая за какую бы то ни было цѣну получить бумаги обратно, пріѣхали во Францію, куда удалилась эта женщина... Было уже слишкомъ поздно, торгъ заключенъ... Не имѣя возможности купить ихъ, рѣшились достать во что бы то ни стало... Вы понимаете.

— О совершенно, сударыня.

— Женщина эта была Элла Меданъ. Я считалась ея другомъ; мнѣ предложили значительную сумму, если я какимъ нибудь способомъ успѣю завладѣть этими бумагами... Я отказалась... Замѣтьте, дѣло было въ томъ, чтобы ловкостію возвратить украденную вещь. Мнѣ говорили: «Вы ея подруга, обѣдая съ ней, напоите ее и завладѣйте этими бумагами».

— Понимаю...

— По вашей улыбкѣ я вижу, что вы думаете: «это не особенно честно!» Но потому-то я вамъ такъ и благодарна за дарованныя мнѣ милости. По собраннымъ вами свѣдѣніямъ, вы знаете, кто я и увы! это даетъ право обращаться ко мнѣ съ подобными предложеніями. Однакожъ я отказалась. Дѣло не терпѣло отлагательства, надо было найти кого нибудь; тогда-то я встрѣтилась съ несчастнымъ, котораго знавала прежде; онъ былъ въ жестокой нуждѣ. Я любила его, такъ какъ онъ былъ очень красивъ, очаровательно красивъ и стыдилась этого, потому что красота была его единственнымъ качествомъ...

— О комъ говорите вы?

— Объ Андре Гударѣ... по прозванію «Кляча».

— А! продолжайте.

— Онъ былъ безъ пристанища, безъ денегъ, безъ платья... не высокой нравственности... и способенъ на все. При видѣ его, я вспомнила о сдѣланномъ мнѣ предложеніи и составила слѣдующій планъ: меня тоже преслѣдовали за долги, я сильно нуждалась въ деньгахъ; я предложила Гудару заняться дѣломъ, въ которомъ не хотѣла быть сама дѣйствующимъ лицомъ, но желала получить свою долю въ барышѣ... Предлагали крупную сумму, сто тысячъ франковъ! Я потребовала себѣ половину; онъ согласился; я должна была получить деньги и уплатить ему... Договоръ былъ заключенъ.

— Тогда-то, сказалъ прокуроръ съ видимымъ отвращеніемъ, но сильно заинтересованный,— вы составили вмѣстѣ планъ преступленія, которое онъ долженъ былъ выполнить?

Иза замѣтила впечатлѣніе и, приподнявъ голову, сказала сухимъ тономъ:

— Нѣтъ. Я уже говорила и опять повторяю, что я не виновата...

— Извините меня... и потрудитесь продолжать

— Тогда я дала ему слѣдующую инструкцію. Прежде всего я послала ему туда, гдѣ онъ жилъ, пятьсотъ франковъ, чтобы онъ могъ одѣться прилично. Онъ очень красивъ. Элла—женщина совсѣмъ легкаго поведенія, которая повинуется, не скажу влеченію сердца, но влеченію чувствъ; онъ долженъ былъ заслужить привязанность Леи Меданъ... настоящее ея имя Элла... сдѣлавшись ея любовникомъ, внушить ей на столько сильное чувство, чтобы она не скрывала отъ него ничего и овладѣть бумагами,—повторяю вамъ, эти бумаги были украдены;—онъ долженъ былъ взять ихъ, чтобы возвратить законному владѣльцу. Бумаги онъ отдастъ мнѣ, я получу сто тысячъ франковъ и отдамъ ему половину этой суммы.

— И только это было говорено и условлено между вами.

Иза поднялась и, вытягивая руку, торжественно произнесла:

— Клянусь всемогущимъ Богомъ!

— Что-же случилось?

— Я видѣлась съ Эллой и говорила ей не разъ объ очаровательномъ красавцѣ, котораго обожа-

ла. Я знала, что у нея была страсть отбивать любовниковъ у своихъ подругъ; однажды я пригласила Эллу къ себѣ ужинать и предупредила Андре, чтобы онъ пришелъ какъ бы нечаянно во время ужина. Все произошло совершенно естественно; я, какъ хозяйка, выходила нѣсколько разъ на двѣ, на три минуты, оставляя ихъ наединѣ, а когда она ушла, я спросила Андре, говорилъ ли онъ съ нею? Онъ отвѣчалъ, что завтра вечеромъ будетъ у нея. Онъ сталъ ея любовникомъ; съ этого дня я его почти не видала; да это и понятно, она не потерпѣла бы этого. При каждой встрѣчѣ я напоминала ему о бумагахъ. Однажды вечеромъ онъ просилъ меня быть въ концертѣ въ домѣ на Елисейскихъ поляхъ и привезти съ собой двѣ бутылки шампанскаго и денегъ. Она тоже пріѣхала съ нимъ; я замѣтила, что она пьяна, ее даже не хотѣли впустить. На минуту Андре удалось подойти ко мнѣ и сказать: «Я знаю гдѣ бумаги; въ маленькомъ домикѣ въ улицѣ Лакюэ. Я сегодня отправляюсь туда, завтра на разсвѣтѣ онѣ будутъ у тебя. Жди меня». —«Но она совершенно пьяна».—«А двѣ бутылки, которыя ты привезла, совсѣмъ доконаютъ ее». —«Ты можешь быть совершенно спокоенъ, когда завладѣешь бумагами; тебѣ нечего скрываться, она не будетъ преслѣдовать тебя». Онъ зло засмѣялся, на что я не обратила тогда должнаго вниманія, и сказалъ: «О я совершенно спокоенъ, она никого не будетъ преслѣдовать... завтра Иза мы будемъ богаты». И онъ вернулся къ своей спутницѣ, на которую уже было обращено вниманіе.

— И это происходило?

— Вечеромъ 20 іюня.

— Вечеромъ наканунѣ преступленія?

— Да.

— Продолжайте, сказалъ прокуроръ сильно заинтересованный разсказомъ.

— Я вернулась къ особѣ, сопровождавшей меня въ концертъ, не придавая другого значенія его словамъ, кромѣ того, что у меня завтра будутъ бумаги и я отдамъ ихъ...

— Кому? нескромно спросилъ прокуроръ.

— Вы поймете, что я не могу дать отвѣта на вашъ вопросъ, съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ отвѣтила Иза.

Затѣмъ, какъ-бы не замѣчая сконфуженнаго вида прокурора, продолжала:

— Наконецъ я была близко къ цѣли, т. е. могла освободиться отъ цѣлой стаи кредиторовъ, осаждавшихъ меня. У меня была одна забота: возвращеніе бумагъ ихъ законному владѣльцу произведетъ безъ сомнѣнія разрывъ между Леей и Гударомъ, она будетъ искать виновника и, конечно, узнаетъ, что я управляла ходомъ дѣла и сдѣлаетъ мнѣ скандалъ. Но если за мной не было права, совѣсть моя была совершенно чиста и я не могла бояться съ ея стороны судебнаго преслѣдованія. Я дѣйствовала безъ права, чтобы отыскать право.

Императорскій прокуроръ улыбнулся этой фразѣ, которую принялъ за игру словъ, подражаніе словамъ императора Наполеона. Отдохнувъ немного, Иза продолжала:

— Я поздно возвратилась домой; послѣ концерта мы еще отправились ужинать въ кафе. Было уже три часа. Почти часъ, какъ я была дома, кончила свой ночной туалетъ, приняла ванну и собиралась уже лечь въ постель, когда позвонили. Жюстина пошла отворить дверь и нѣсколько минутъ спустя вернулась въ сопровожденіи Гудара. Я посмотрѣла на него, спрашивая взглядомъ, удалось-ли ему, принесъ-ли онъ, наконецъ, бумаги... Въ наружности его было что-то странное, онъ казался пьянымъ; онъ былъ блѣденъ, на лбу выступили капли пота, волосы прильнули къ вискамъ. Я спросила: «Ну, что же?» Взглядомъ онъ просилъ выслать горничную, я пожала плечами, но такъ какъ онъ настаивалъ, я приказала Жюстинѣ идти спать и оставить насъ однихъ. Когда она вышла, я возобновила свой вопросъ. Гударъ отворилъ дверь уборной, чтобы увѣриться, что никто не подслушиваетъ и, тщательно заперевъ ее, подошелъ ко мнѣ и произнесъ глухимъ голосомъ: «Сдѣлано!» — «Бумаги у тебя?»—«Вотъ онѣ!» и, растегнувъ жилетъ, досталъ ихъ изъ-подъ него. — «Наконецъ-то,» сказала я радостно. Бумаги лежали въ портфелѣ. Я пересмотрѣла ихъ и довольная подняла глаза на Гудара. Андре продолжалъ стоять, видимо взволнованный и не рѣшаясь говорить. Я догадалась, что произошло что-то необыкновенное. Не завладѣлъ-ли онъ ими силой и Лея слѣдуетъ за нимъ. Онъ боится, что она найдетъ его у меня. Желая знать въ чемъ дѣло, я спросила: «Что случилось? ты взволнованъ». Онъ безсмысленно посмотрѣлъ на меня, не отвѣчая. Я повторила вопросъ и онъ сказалъ: «Случилось большое несчастіе». — «А!.. что такое? говори скорѣе».—«Лея умерла».— «Что ты говоришь?» сказала я съ испугомъ. И онъ заговорилъ быстро, торопясь, не договаривая слова изъ боязни быть прерваннымъ какимъ-нибудь вопросомъ: «Ты хорошо знала ее, ты знаешь ея страсть пить всевозможные любовные напитки, которые разжигаютъ кровь, даютъ новую жизнь, заставляютъ терять разсудокъ; она примѣшала его къ шампанскому, говоря: «Сегодня послѣдняя ночь твоей холостой жизни, надо весело проститься съ нею» (на другой день назначена была его свадьба; я объясню вамъ это впослѣдствіи). Онъ разсказалъ, что она заставляла его пить; онъ сдѣлалъ видъ, что повинуется, но онъ боялся потерять разсудокъ; она это замѣтила и, желая принудить его, такъ какъ думая, что онъ боится предлагаемаго напитка, вылила всю склянку въ бутылку и одинъ за другимъ выпила три стакана, смѣясь и говоря: «Ты видишь, что отъ этого не умираютъ, совсѣмъ напротивъ». И, опьянѣвъ окончательно, она совершенно раздѣлась, придерживаясь за кровать, хотѣла лечь, но упала на коверъ и тутъ уже сказала: «Андре, помоги мнѣ, я засыпаю...» Онъ бросился, чтобы поднять ее; напрасно онъ звалъ ее... она была мертва!.. По мнѣ пробѣжала нервная дрожь и я съ испугомъ сказала: «Несчастный! это ты убилъ ее... ты ее зарѣзалъ!» Онъ тотчасъ же выпрямился, какъ бы оскорбленный обвиненіемъ, которое я кинула ему; во взглядѣ выражалась ярость, но—я обладаю силой выдерживать всякій взглядъ —глаза мои устремились на него; я старалась прочитать въ глубинѣ его души, онъ не выдержалъ; красныя пятна покрыли его лобъ и щеки, глаза закрылись, губы сжались и онъ опустилъ голову. Тогда я повторила: «Несчастный, что ты сдѣлалъ, ты убилъ ее».—«Да», отвѣчалъ онъ глухимъ голосомъ и рѣзко прибавилъ: «Это было необходимо, безъ этого я ничего бы не получилъ!».. Я была потрясена, опустилась на диванъ и отказывалась вѣрить слышанному. Я знала, что Андре дерзокъ и безчестенъ, но не считала его способнымъ на преступленіе. Онъ понялъ это и тотчасъ же постарался свалить на меня всю отвѣтственность за сдѣланное имъ преступленіе. Онъ утверждалъ, что, поручая ему это дѣло, я спрашивала, способенъ-ли онъ на все, пойдетъ-ли онъ на преступленіе... и тому подобную ложь, на которую я не отвѣчала. Я какъ бы окаменѣла... мозгъ мой отказывался вмѣстить, что этотъ человѣкъ, молодой, красивый, убилъ женщину очаровательно прекрасную, — женщину, боготворившую его. Не помню, какое именно изъ всѣхъ его оскорбленій возвратило мнѣ немного энергіи: должно быть, когда онъ предложилъ мнѣ часть изъ украденнаго у Эллы... онъ дожидался дня, когда она возьметъ изъ банка всѣ свои цѣнности; онъ ѣздилъ туда съ нею и помѣшалъ отвезти ихъ въ ея квартиру въ улицѣ Бирона, чтобы спрятать; онъ поминалъ о ста пятидесяти тысячахъ франковъ и другихъ драгоцѣнностяхъ. Не помню, право. Но я была возмущена до глубины души и сказала: «Прочь, несчастный, уходи прочь и проси, чтобы у меня достало мужества не донести на тебя». Тогда онъ показалъ свою трусость; онъ валялся у меня въ ногахъ, говоря, что сдѣлалъ это изъ послушанія мнѣ, что онъ любитъ меня до сумасшествія, что для меня онъ способенъ на все... онъ думалъ, что я желаю избавиться отъ соперницы. Онъ вынулъ изъ кармана украденныя имъ драгоцѣнныя украшенія и положилъ у моихъ ногъ, умоляя принять ихъ. Невозможно передать эту сцену; наконецъ, я выгнала его, давъ обѣщаніе молчать. Вотъ все, что я могла для него сдѣлать.

— Но вы не возвратили бумагъ, такъ какъ онѣ были найдены у васъ?

— Самыя важныя изъ нихъ были уже проданы Эллой, за остальныя же отказались заплатить, ссылаясь на то, что онѣ не имѣли большого значенія.

— Такъ что преступленіе вамъ ничего не принесло? замѣтилъ прокуроръ.

— Я болѣе и не нуждалась, а послѣ преступленія и не захотѣла бы этихъ денегъ. Гударъ укралъ на болѣе крупную сумму, такъ что хотѣлъ купить въ Англіи какой-то титулъ и тамъ же продалъ часть драгоцѣнностей.

— А тѣ украшенія, тотъ великолѣпный уборъ, найденный у васъ вмѣстѣ съ бумагами, который ювелиръ призналъ за проданный имъ Леѣ Меданъ.

— Я уже вамъ говорила, что утромъ послѣ преступленія этотъ несчастный ушелъ, оставивъ у моихъ ногъ на коврѣ нѣсколько драгоцѣнностей. Это именно онѣ. Съ тѣхъ поръ я не видалась съ нимъ, что я и говорила лицамъ, пріѣзжавшимъ навѣстить меня... Желая спасти несчастнаго, я старалась убѣдить всѣхъ, что тутъ произошла ошибка. Но я расчитывала открыть все, что знала, какъ только буду заграницей въ безопасномъ мѣстѣ.

— Сударыня, мы должны соображаться съ полученными приказаніями, сказалъ прокуроръ.— Очевидно, вы не виноваты, однакожь, на васъ падаетъ часть отвѣтственности въ этомъ дѣлѣ... Тѣмъ не менѣе я готовъ сдѣлать, что вы пожелаете. Хотите немедленнаго освобожденія?

— Нѣтъ, я прежде хочу уличить преступника, я требую очной ставки, я повторю передъ нимъ то, что сказала вамъ; я укажу вамъ и другія противъ него улики.

— Мы повеземъ его на мѣсто преступленія.

Иза вздрогнула, но, преодолѣвъ смущеніе, тотчасъ же продолжала:

— Прошу васъ свести насъ тамъ на очную ставку.

— Хорошо, сударыня.

— А потомъ, такъ какъ по моей винѣ, вслѣдствіе моего умолчанія о томъ, что я знала, я надѣлала много непріятностей человѣку, достойному участія, я желала бы имѣть возможность видѣться съ нимъ и попросить у него прощенія.

— О комъ говорите вы?

— О Морисѣ Феранѣ.

Прокуроръ былъ удивленъ подобной просьбой, сдѣланной при столь важныхъ обстоятельствахъ. Нравственное удовлетвореніе, которое желала дать Иза, казалось ему сомнительнымъ отъ такой женщины, какъ Иза; онъ приписывалъ ея желаніе ребяческому характеру женщинъ, готовыхъ примѣшивать къ самымъ важнымъ дѣламъ, самое пустое жеманство. Эта черта, казалось, пополняла странный характеръ женщины, которую онъ допрашивалъ.

— Это очень трудно; молодого человѣка можно будетъ выпустить только послѣ допроса Гудара, когда мы вполнѣ убѣдимся, что онъ не принималъ никакого участія въ убійствѣ Леи Меданъ.

— Бѣдный, уже четыре мѣсяца онъ сидитъ въ тюрьмѣ и съ нимъ обращаются, какъ съ преступникомъ.

— Если завтра на очной ставкѣ на мѣстѣ преступленія Гударъ сознается, я немедленно подпишу приказъ объ освобожденіи Ферана.

— Тогда я буду просить васъ позволить мнѣ сообщить ему эту радостную вѣсть, такъ какъ завтра послѣ очной ставки я расчитываю быть свободной.

— Хорошо, что вы меня предупредили объ этомъ сегодня, я немедленно спрошу на то разрѣшенія.

Иза собиралась встать, когда прокуроръ спросилъ ее:

— Вы, кажется, говорили: «Завтра назначенъ день свадьбы; я объясню вамъ это впослѣдствіи».

— Да, я уже вамъ говорила, что въ минуту сумасшествія я сдѣлалась любовницей этого человѣка, потомъ онъ постоянно надоѣдалъ мнѣ, я стыдилась самой себя. И вотъ, однажды, когда онъ явился ко мнѣ, запутавшись болѣе прежняго, я заговорила съ нимъ о томъ, что ему можно будетъ поправиться, если онъ возьмется за одно дѣло. Онъ соглашался на все и началъ строить на этомъ дѣлѣ свое будущее; я ему сказала, что по полученіи денегъ онъ долженъ вести болѣе спокойную жизнь; на это онъ отвѣтилъ, что собирается жениться и жить честно. Въ надеждѣ избавиться отъ его назойливости я поощряла его планы. Съ этой цѣлью я даже однажды дала ему денегъ; я узнала, что, пустивъ эти деньги въ оборотъ вмѣстѣ съ Эллой у ея банкира, онъ выигралъ на нихъ семь тысячъ; съ этого дня жизнь его измѣнилась; онъ сдѣлался расчетливѣе и однажды, когда я просила возвратить мои деньги, онъ сказалъ, что употребилъ ихъ въ дѣло; онъ одолжилъ ихъ человѣку, на дочери котораго хотѣлъ жениться и въ семействѣ котораго бывалъ уже года три или четыре. Онъ велъ оба дѣла сразу, чтобы, прибавилъ онъ, покинувъ и распростившись съ Эллой, онъ могъ скрыться въ буржуазномъ мірѣ, гдѣ она не подумаетъ искать его; деньги же служили къ возвышенію фирмы тестя, компаньономъ котораго онъ дѣлался. Вотъ объясненіе его женитьбы.

Прокуроръ зналъ также мало объ этомъ дѣлѣ, какъ и слѣдователь, такъ какъ дурно направленное слѣдствіе никогда не обращалось въ ту сторону. Онъ не удивился, потому что не зналъ, что Гударъ впродолженіи двухъ лѣтъ давалъ взаймы деньги Тюссо, что прошло уже два года съ тѣхъ поръ, какъ Иза послала Гудару пятьсотъ франковъ, и что уже цѣлый годъ онъ считался любовникомъ красавицы Эллы, когда та была отравлена въ улицѣ Лакюэ. Наконецъ, онъ не могъ знать, что Гударъ лгалъ, что Иза лгала, и что онъ былъ далекъ отъ истины.

— Теперь все ясно, сказалъ прокуроръ, — и я очень этому радъ, мнѣ лучше нравится быть побѣжденнымъ очевидностью вашей невинности, выразить вамъ, что я сожалѣю о вашемъ поспѣшномъ арестѣ и что вамъ достаточно сказать слово для полученія свободы, потому что вы невинны, чѣмъ быть вынужденнымъ вслѣдствіе приказа въ вашу пользу закрыть глаза на ваше освобожденіе изъ тюрьмы.

— Но вы отвѣтили на заявленное мною желаніе послѣ очной ставки получить свободу, что вы спросите приказанія.

— Это моя обязанность; мнѣ разрѣшено выпустить васъ на свободу, но подъ нѣкоторыми условіями, а не совершенно.

— Я васъ не понимаю, тревожно произнесла Иза.

— То есть до новаго приказанія я могу выпустить васъ подъ наблюденіемъ агентовъ, съ условіемъ не выѣзжать изъ Парижа и быть готовой явиться по первому зову.

Иза закусила губы, кровь прилила къ ея лицу; не это она подразумѣвала подъ словомъ свобода; она поспѣшно сказала:

— Но я не такой свободы жду послѣ очной ставки.

— О, безъ сомнѣнія... особенно же теперь, когда разъяснено все до васъ касающееся, мы не имѣемъ права задерживать васъ; вѣроятно, я и получу такого рода приказаніе. Завтра вы будете свободны, какъ птичка, добавилъ любезно прокуроръ и проводилъ Изу до половины коридора, гдѣ ее ждала горничная.

На слѣдующее утро часовъ въ десять Иза садилась въ карету въ сопровожденіи письмоводителя прокурора; за десять минутъ до этого посадили въ карету Гудара между двумя агентами и оба экипажа направились въ улицу Лакюэ.

Выходя изъ экипажа и опираясь на руку письмоводителя, которую тотъ любезно предложилъ ей, Иза увидѣла, что ихъ опередила третья карета, стоявшая передъ домомъ. Въ ней прибыли къ мѣсту преступленія императорскій прокуроръ и слѣдователь. Бросивъ взглядъ, она замѣтила, что ставни квартиры Леи Медан открыты.

Погода стояла унылая, туманная; въ этомъ кварталѣ прохожихъ было мало. Однакожь, три кареты у дверей дома, гдѣ нѣкогда совершено было убійство, могли собрать толпу любопытныхъ. Во избѣжаніе такого сборища, кучерамъ приказано было дожидаться на набережной.

Судьи, агенты и обвиняемые вошли, двери затворились и все въ улицѣ Лакюэ приняло свой обычный видъ; только одинъ агентъ изъ предосторожности былъ оставленъ при входѣ; покуривая и посматривая по сторонамъ, онъ сѣлъ на скамью передъ домомъ.

Пока провѣтривали комнаты въ верхнемъ этажѣ, прокуроръ и слѣдователь ждали внизу въ маленькомъ салонѣ; туда же письмоводитель ввелъ Изу. Чиновники привстали при ея входѣ, прокуроръ предложилъ ей стулъ у камина, гдѣ хозяйка только что развела огонь. Когда Иза сѣла, прокуроръ сказалъ:

— Вамъ придется, сударыня, подождать здѣсь нѣсколько минутъ; мы займемся сначала Гударомъ и тогда уже попросимъ васъ подняться.

— Хорошо, господа! Располагайте мною.

Эти слова она произнесла отрывистымъ тономъ. Иза была взволнована, блѣдна, глаза ея вспыхивали лихорадочнымъ блескомъ, ноздри вздрагивали. Она шла въ битву, она готовилась къ борьбѣ и чувствовала волненіе храбрыхъ, съ трудомъ сдерживаемое, — волненіе не отъ страха, но отъ желанія быть уже въ битвѣ.

Она граціозно опустилась въ кресло, протянувъ ноги къ пламени... Ея крошечныя ноги выглядывали изъ-подъ кружевныхъ юбокъ; чиновники не могли удержаться отъ сладкой гримасы при видѣ тонкой, круглой ноги и поспѣшили подняться вверхъ подальше отъ искушенія.

Гударъ, мрачный, между двумя караульными, ждалъ въ столовой, смежной съ комнатой преступленія. Андре очень измѣнился; безсонныя ночи, проведенныя въ тревогѣ, образовали на лбу его складки, серебристыя нити появились въ каштановыхъ волосахъ, свидѣтельствуя о внутреннемъ огнѣ, который впродолженіи трехъ мѣсяцевъ жегъ его мозгъ. Онъ тревожно ждалъ допроса; какъ ни былъ онъ увѣренъ въ заступничествѣ Изы, онъ вспоминалъ, что, когда она такъ ловко вырвала его изъ тюрьмы въ первый разъ, она сказала ему, что, этого, можетъ быть, ей уже не удастся, если онъ снова попадется. Къ тому же онъ въ первый только разъ со дня преступленія возвращался въ улицу Лакюэ; онъ боялся. Его пугала запертая комната, гдѣ совершилось преступленіе; какой сюрпризъ готовили ему, чтобы вынудить сознаніе? Его тяготила неизвѣстность мрачная, ужасная. Не зная, съ которой стороны будетъ нападеніе, онъ не могъ приготовиться къ защитѣ. Увидѣвъ чиновниковъ, которыхъ до сихъ поръ не видалъ еще, сопровождаемыхъ агентомъ Гюре, роковымъ человѣкомъ, убѣжденнымъ въ его виновности, преслѣдовавшимъ его неутомимо, — Гударъ чувствовалъ, какъ дрожь пробѣгала по его тѣлу, — первый признакъ слабости и упадка духа. Онъ испугался, страшно испугался, въ глазахъ его потемнѣло, онъ поблѣднѣлъ. Наступалъ часъ, когда требовалось все его мужество; онъ подавилъ овладѣвшее имъ волненіе и выпрямился такъ быстро, что агенты, сочтя это за попытку къ бѣгству, схватили его за воротъ. Онъ пожалъ плечами и посмотрѣлъ на нихъ съ презрѣніемъ. Прокуроръ и сопровождавшіе его вошли въ комнату, гдѣ совершилось преступленіе, изъ раскрытой двери которой понесся запахъ мускуса, послѣдній признакъ испаряющихся духовъ. По знаку слѣдователя, Гюре ввелъ обвиняемаго. На него смотрѣли пристально, но ни одинъ мускулъ его лица не дрогнулъ: Андре былъ готовъ ко всему. Слѣдователь дѣлалъ вопросы, прокуроръ внимательно наблюдалъ.

— Гударъ, вы въ комнатѣ, гдѣ совершено преступленіе, сказалъ слѣдователь; — здѣсь несчастная женщина, изъ любви отдававшаяся вамъ, была отравлена; заклинаю васъ сказать правду; вы одни были съ нею. Тщательные розыски показали, что никто кромѣ васъ не входилъ сюда въ ночь на 21 іюня. Лея Меданъ умерла, когда вы были съ нею; разскажите, какъ это случилось.

— Господа, я повторяю вамъ то, что уже говорилъ. Я провелъ здѣсь часть ночи 20 іюня; вынужденный рано уйти, такъ какъ на другой день назначена была моя свадьба и я не желалъ, чтобы знали, что я не ночевалъ дома наканунѣ этого дня, я оставилъ Лею въ постелѣ, веселую, смѣющуюся; было часа три или три съ половиною утра... Я узналъ о катастрофѣ, — которую приписываю не преступленію, а случаю, — спустя много времени.

— Вы продолжаете запираться, что не вы виновникъ преступленія.

— Я готовъ присягнуть.

Послѣдовало минутное молчаніе, во время котораго слѣдователь тихо совѣщался съ прокуроромъ; Гюре, стоя неподвижно около постели, устремилъ на Гудара пристальный взглядъ. Андре пробовалъ его выдержать, но не могъ и повернулъ голову, когда слѣдователь заговорилъ опять:

— Васъ сведутъ на очную ставку съ особой, которой вы сознались въ совершеніи преступленія.

Андре содрогнулся и посмотрѣлъ на судей съ видомъ помѣшаннаго. Что это значитъ? О комъ говоритъ слѣдователь? Съ кѣмъ поставятъ его на очную ставку? Кто этотъ неизвѣстный, утверждающій, что онъ самъ сознался ему въ убійствѣ Леи Меданъ? Это клевета, какой свидѣтель осмѣлится произнести ее! И онъ повторилъ вслухъ, смотря на слѣдователя:

— Меня поставятъ на очную ставку съ особой, которая утверждаетъ, что я сознался ей въ совершеніи преступленія? Если бы вы мнѣ не предлагали этого, я самъ сталъ бы требовать.

По знаку императорскаго прокурора его письмоводитель вышелъ и минуту спустя ввелъ Изу въ комнату. Увидѣвъ ее, Гударъ не могъ скрыть горестнаго изумленія. Можно было слышать, какъ онъ сказалъ:

— Иза арестована!

Въ этихъ словахъ было такъ много значенія. Гударъ могъ освободиться отъ тяготѣвшаго надъ нимъ обвиненія только при помощи Изы; она одна, оставаясь на свободѣ, могла избавить его отъ тюрьмы; пока она имѣла возможность помогать ему, онъ былъ увѣренъ въ безнаказанности.

Но Иза арестована, какъ и онъ, и по тому же обвиненію. Что дѣлать? Какъ держать себя? Не погибли-ли они оба? Слѣдователь прервалъ размышленія Гудара:

— Узнаете вы эту особу?

Смущенный, боясь скомпрометировать себя, онъ искалъ во взглядѣ Изы, что ему отвѣчать. Она же оставалась холодной, спокойной; можно было замѣтить только пробѣгавшую по ней дрожь каждый разъ, когда глаза ея останавливались на постели, гдѣ умерла Лея, и это казалось совершенно естественнымъ въ женщинѣ, которую одна мысль о смерти заставляла дрожать.

У меня сдѣланъ былъ обыскъ, найдены бумаги и драгоцѣнныя украшенія, которыя ты оставилъ, и я должна была объяснить, какъ они ко мнѣ попали.

Гударъ опустилъ голову; онъ спрашивалъ, какъ ему теперь держать себя; оспаривать-ли ея слова, или молчать? Получивъ свободу, Иза быть можетъ займется его спасеніемъ? Онъ взглянулъ на нее, ища въ ея глазахъ совѣта, но Иза, казалось, ничего не видѣла и съ оживленнымъ видомъ продолжала разсказъ:

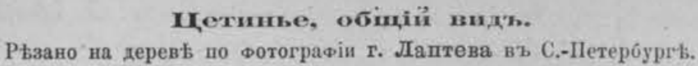
— Ты вышелъ отъ Леи Медань и принесъ мнѣ бумаги и когда я спросила, какъ ты получилъ ихъ, ты мнѣ отвѣтилъ, что пожертвовалъ несчастной дѣвушкой; ты сначала напоилъ ее, потомъ далъ ей отравленнаго шампанскаго... Тогда я назвала тебя подлецомъ и выгнала, грозя иначе донести на тебя.

— Ты! сказалъ Гударъ, выведенный наконецъ изъ терпѣнія, смотря ей прямо въ лицо, чтобы узнать, не играетъ-ли она комедію въ той надеждѣ, которую онъ лелѣялъ, но встрѣтилъ презрительный взглядъ ея; тогда онъ понялъ, что Иза во чтобы то ни стало хотѣла спастись и для этого губила его. Мы уже достаточно знаемъ Клячу, чтобы понять, какое дѣйствіе произвело на него это открытіе. Онъ былъ изъ тѣхъ, которые цѣняются за людей, могущихъ спасти его, а тѣмъ болѣе за тѣхъ, которые хотятъ погубить его; онъ увлечетъ въ своемъ паденіи эту женщину, которая толкаетъ его въ бездну. Молнія бѣшенства сверкнула въ его взглядѣ, но Иза выдержала его, не опуская глазъ, онъ дышалъ съ трудомъ, сжималъ кулаки, и Гюре, наблюдавшій за нимъ, опасаясь удара, приблизился къ нему.

— Ну, Гударъ, что вы на это скажете? спросилъ слѣдователь.

— Что я скажу, отвѣчалъ онъ, выпрямляясь; —немного... Да, я убилъ Лею Медань; но насъ было двое, Иза моя сообщница.

ВИДЫ ЧЕРНОГОРІИ.

Цетинье, общій видъ.

Рѣзано на деревѣ по фотографіи г. Лаптева въ С.-Петербургѣ.

Гударъ сдѣлалъ утвердительный знакъ головой.

— Повторите-ли вы въ присутствіи вдовы Сегленъ, что не вы убійца Леи Медань?

— И это она сказала? въ ужасѣ закричалъ Гударъ.

— Вы объявили вдовѣ Сегленъ, что отравили Лею Медань, вашу любовницу.

— Ты это сказала?.. Ты сказала?

— Да, я все разсказала, отвѣчала Иза,—все. Тѣмъ хуже для тебя, если ты еще здѣсь; ты былъ предупрежденъ и могъ бѣжать... Я разсказала, что утромъ 21 іюня ты былъ у меня, ты пришелъ отсюда, гдѣ провелъ ночь съ Леей Медань.

По тѣлу Изы пробѣжала дрожь, чего однако никто не замѣтилъ, кровь застыла въ ея жилахъ, она чуть не упала; но это продолжалось не болѣе секунды; презрительная улыбка замѣнила судорогу губъ, она пожала плечами и сказала прокурору:

— Что я вамъ говорила.

Тотъ ей отвѣтилъ улыбкой и движеніемъ губъ, выражая этимъ: «не бойтесь, мы знаемъ истину, мы не повѣримъ этой клеветѣ».

Слѣдователь, письмоводитель и Гюре замѣтили только одно слово фразы, именно признаніе. Они обмѣнялись взглядомъ, какъ бы говоря:

— Наконецъ-то онъ въ нашихъ рукахъ.

Гударъ, замѣтивъ результатъ, произведенный его признаніемъ, пришелъ въ ярость и продолжалъ:

— Да, я по совѣту Изы привелъ сюда Лею, ея подругу; по ея приказанію я отравилъ Лею шампанскимъ, даннымъ и отравленнымъ уже Изой. Вы хотите истины, вотъ она!

— Ты хочешь меня погубить, обратился онъ къ Изѣ.—Мы погибнемъ оба; какъ и въ дѣлѣ, голубушка, каждому своя часть.

Бросивъ этотъ вызовъ смущенной Изѣ, Гударъ посмотрѣлъ вокругъ себя; но видя только пожатіе плечъ, взбѣшенный тѣмъ, что ему отказываются вѣрить, приходя въ ярость при видѣ сочувствія, оказываемаго всѣми его сообщницѣ, несчастный окончательно потерялъ голову и продолжалъ:

— Вы хотите истины, только истины и отказываетесь ей вѣрить. Теперь, видя васъ, я спрашиваю себя, не вы ли руководили этой женщиной, не вы ли черезъ ея посредство желали этого преступленія?

Оскорбленные чиновники выпрямились. Гударъ, замѣтивъ знакъ, который сдѣлалъ Гюре, агентамъ, и полагая, что хотятъ связать его, чтобы заставить молчать, всталъ въ оборонительное положеніе и закричалъ:

— Не пробуйте вязать меня, чтобы заткнуть мнѣ ротъ; я задушу перваго, кто приблизится ко мнѣ.

Гюре только пожалъ плечами и сталъ шарить въ карманѣ.

— Эта женщина, продолжалъ Андре съ пѣной на губахъ,—имѣвшая съ Леей Меданъ сношенія, которыя я не хочу назвать, сказала мнѣ: «Будь ея любовникомъ, убей ее, возьми бумаги, драгоцѣнности, мы это раздѣлимъ между собой и у насъ будетъ сто тысячъ франковъ». Вотъ истина. Она сказала мнѣ: «Ты можешь быть увѣренъ въ безнаказанности; я отвѣчаю за все». И я повиновался. Я убійца, но это моя сообщница! Осудите ее вмѣстѣ со мной и я не буду сопротивляться.

Иза гордо выпрямилась и съ взглядомъ подавляющаго презрѣнія, увеличившимъ ярость несчастнаго, отвѣчала:

— Давно уже, испуганная твоимъ преступленіемъ, я все разсказала и господа эти знаютъ истину. Если бы ты подѣлился со мной, мнѣ не пришлось бы продавать все, что я имѣла. Они знаютъ источникъ, дававшій мнѣ средства къ жизни... а ты попробуй объяснить, откуда взялись тѣ двадцать тысячъ франковъ, которые ты далъ отцу твоей жены; затѣмъ сумма, внесенная тобою при женитьбѣ.

Чиновники покачали головами, какъ бы говоря: отвѣчайте. Но Гударъ былъ какъ помѣшанный, онъ казалось ничего не понималъ. Иза продолжала:

— Что я сказала тебѣ тогда, я повторяю. Я говорила: «Ты бѣденъ; предстоитъ довольно трудное, щекотливое дѣло, по цѣль котораго честная. Украдены были важныя бумаги и то, что въ нихъ заключается, не позволяетъ обратиться за помощью къ французской полиціи. Если тебѣ удастся достать эти бумаги, ты получишь сто тысячъ франковъ. Правда?

— Да, а затѣмъ?

— Я сказала тебѣ: я познакомлю тебя съ этой женщиной. Ты хорошъ собой, сдѣлайся ея любовникомъ, войди къ ней въ довѣренность, чтобы она дала тебѣ бумаги, или возьми самъ. И это правда?

— Но ты мнѣ тоже говорила: «Я могу сказать людямъ, предлагающимъ это дѣло, что человѣкъ, котораго я рекомендую, хочетъ заслужить деньги, что онъ способенъ на все». И я отвѣчалъ: «Да». Ты прибавила: «И въ случаѣ нужды, ты можешь убить того или ту, которые станутъ на дорогѣ». И я отвѣчалъ: «Да». Не правда-ли?

Иза сдѣлала отрицательный знакъ головой и затѣмъ спокойно продолжала:

— Нѣтъ, это неправда!.. Я слишкомъ любила Лею Меданъ, чтобы желать подобныхъ ужасовъ, и если я поручила другому завладѣть бумагами, то именно потому, что опасалась между нами разрыва.

Тонъ Изы, ея спокойствіе, видъ истины въ ея словахъ выводили Гудара изъ себя и, какъ быкъ, готовый поднять на рога непріятеля, онъ оглянулся вокругъ и заревѣлъ:

— И вы вѣрите этому, вы... вѣрите этому? Пора кончить; око за око и такъ какъ вы не хотите отомстить за меня, я самъ отомщу за себя.

И онъ бросился на Изу; но Гюре наблюдалъ за нимъ; въ ту минуту, когда онъ собирался схватить ее за шею, Гюре кинулся на него и между ними завязалась борьба. Испуганные чиновники удалились въ уголъ комнаты, Иза спряталась за кровать, агенты поспѣшили на помощь своему начальнику, но тотъ, освободившись, закричалъ имъ:

— Затворите все, чтобы онъ не убѣжалъ.

Сцена измѣнилась. Одинъ агентъ замкнулъ дверь, другой заслонилъ собой прокурора и его спутниковъ; Гюре, стоя съ палкой въ рукахъ, произнесъ глухимъ голосомъ:

— Мы его свяжемъ!

Гударъ съ налитыми кровью глазами осмотрѣлся вокругъ: бѣгство было невозможно... Тогда онъ сразу измѣнился и, пожимая плечами, сказалъ:

— Вы не возьмете меня живымъ!

Агенты готовились къ борьбѣ, но несчастный бросился къ небольшому шкапу, стоявшему между окнами, ударомъ кулака отбилъ крышку и сталъ искать. Всѣ вскрикнули, думая, что онъ досталъ бережно скрытый револьверъ. Гударъ вынулъ черную склянку, поднесъ къ губамъ и сразу выпилъ все. Судорога скривила ему лицо, съ нимъ сдѣлались конвульсіи; придерживаясь за мебель, онъ выпрямился еще разъ и закричалъ:

— Вы всѣ здѣсь трусы!... И, обернувшись къ испуганной Изѣ, прятавшейся въ занавѣсяхъ кровати:—А ты, ты только...

Руки его вытянулись, черты лица скривились, зубы сжались и онъ съ пѣной у рта повалился на полъ; еще нѣсколько минутъ конвульсивныхъ подергиваній и онъ вытянулся съ пронзительнымъ крикомъ.

Гударъ былъ мертвъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.)

Въ Герцеговинѣ *).

(Ст. д-ра **Щербака**.

Глава XXV

Прошло нѣсколько дней со взятія Никшича. Усиленная эмиграція турецкаго населенія въ Мостаръ, за выбытіемъ большинства горожанъ, прекратилась. Въ Никшичѣ оставалось только нѣсколько семействъ, преимущественно изъ фамиліи Мусевичей, да и тѣ не покинули завоеваннаго города, главнымъ образомъ изъ-за тяжелораненыхъ родственниковъ, которыхъ, въ первые два дня, тщательно скрывали отъ нашего санитарнаго отряда. Турки почему-то вообразили, что мы будемъ отравлять ихъ раненыхъ. Однако это дикое предубѣжденіе скоро исчезло и къ намъ стали обращаться за помощью.

Въ госпитальномъ зданіи, почти освободившемся отъ турокъ, вслѣдствіе эвакуаціи легко раненыхъ въ Подгорицу и перевода тяжелыхъ, пораженныхъ гангреною, въ другой домъ, расположились больные черногорцы и герцеговинцы.

Близь госпиталя, на полѣ, въ шатрахъ, размѣстился походный лазаретъ д-ра Студитскаго, въ которомъ исключительно находились одни раненые.

Черногорская стража, разставленная по окраинамъ Никшича, скоро была снята и городъ принялъ вполнѣ мирный характеръ. Между тѣмъ, у князя за все это время происходили дѣятельныя совѣщанія о будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ.

Впечатлѣніе, произведенное на турокъ взятіемъ Никшича, требовало пользоваться горячими минутами, да къ тому же, наступавшее дождливое время и холодные вѣтры еще болѣе побуждали князя торопиться выполненіемъ начертанной програмы дѣйствій, такъ какъ у черногорцевъ и герцеговинцевъ, кромѣ обносившихся струкъ, не было другого теплаго платья; вслѣдствіе всего этого, его свѣтлость отдалъ приказъ по батальонамъ готовиться къ немедленному походу въ глубь Герцеговины.

Къ утру 31 августа всѣ необходимыя войска были уже въ сборѣ, а вечеромъ того же дня, раздѣлившись на два отряда, выступили по направленію къ Дужскому дефиле и Веленичѣ. Планъ похода заключался въ слѣдующемъ: первый отрядъ, изъ 10 бат. при 6 орудіяхъ, подъ общимъ начальствомъ Вукотича, долженъ былъ занять всѣ форты Дужскаго прохода. Второй отрядъ, во главѣ съ княземъ, изъ 3 бат. при 6 орудіяхъ, подъ начальствомъ Врбицы, долженъ былъ двинуться на Билекъ. Русскія орудія были раздѣлены поровну. Одно 9 фунт. и одно 4 фунт. съ тремя русскими фейерверкерами подъ вѣдѣніемъ Циклинскаго, у Вукотича, а другія два съ четырьмя фейерверкерами подъ вѣдѣніемъ Гейслера — у Врбицы.

Движеніемъ на Билекъ имѣлось, между прочимъ, въ виду принудить Австрію высказаться болѣе опредѣленно насчетъ дѣйствій черногорцевъ въ Герцеговинѣ, такъ какъ представитель ея, полковникъ Темель, со дня взятія Никшича, облекся въ непроницаемую таинственность и на всѣ вопросы, предлагаемые ему, какъ военно-дипломатическому агенту относительно общаго плана дѣлъ черногорцевъ въ Герцеговинѣ, отвѣчалъ, по большей части, однимъ только мрачнымъ молчаніемъ.

По исполненіи вышеизложеннаго, отряды должны были соединиться у Крстаца, гдѣ предполагалось рѣшить направленіе дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій.

Движеніе на Билекъ черногорцы совершили очень быстро и только съ короткимъ ночлежнымъ переваломъ въ Смердушахъ. 1 сентября они были въ Пилотавцахъ (въ $1^1/_4$ часа разстоянія отъ Билека), гдѣ скоро заняли позиціи на горѣ Влахинѣ, командовавшей городомъ и окружающимъ его фортомъ съ блокгаузами, расположенными на невысокой плоской возвышенности.

Билекъ, незначительный по величинѣ, больше подходитъ къ названію мѣстечка. Вмѣстѣ съ близь лежащими селами, онъ защищенъ 4 укрѣпленіями. Самое большое изъ нихъ, фортъ Дворниште (въ 2 верстахъ отъ города), съ длинною казармой и редюитомъ съ южной стороны. Остальныя 3: Златицы, Студенцы и Шума имѣютъ общій типъ кулъ, окружающихъ Никшичъ.

*) Эта статья служитъ продолженіемъ статьи «При осадѣ Никшича».

Кругомъ Билека расположены богатыя пастбища и обширныя хлѣбныя поля, съ которыхъ почти уже все было собрано, такъ какъ въ этихъ мѣстахъ герцеговинцы и турки давно уже условились жить на «вѣрѣ» *), и вслѣдствіе этого могли спокойно заниматься полевыми работами. Число жителей въ Билекѣ, вмѣстѣ съ окружающими его селами, насчитывалось до 4,000.

Занявъ позиціи на Влахинѣ и укрѣпивъ ихъ шанцами, Врбица и Гейслеръ занялись немедленно выборами мѣста для батарей, орудія къ которымъ еще не были доставлены.

О присутствіи черногорскаго войска билечане узнали только на другой день (2 сентября) утромъ **) и сейчасъ же выслали депутацію къ князю съ покорнѣйшею просьбою не трогать ихъ мирныхъ жителей, а заняться блокгаузами, въ которыхъ укрѣпился низамъ. При этомъ они дали слово, что сами не сдѣлаютъ ни одного выстрѣла и если только сдадутся форты и кулы, то они съ охотою подчинятся всѣмъ условіямъ, которыя пожелаетъ имъ поставить его свѣтлость.

Къ вечеру того же дня, орудія были, наконецъ, притащены и батареи вооружены. Чтобы отрѣзать возможность сообщенія билечанъ съ Требиньемъ, Столацемъ и Гацко, а также помѣшать прибытію оттуда къ нимъ помощи, Врбица отправилъ по разнымъ дорогамъ, ведущимъ въ названныя мѣста, нѣсколько четъ.

3 сентября, въ полдень, князь послалъ къ гарнизону форта и кулъ нѣсколькихъ черногорцевъ съ предложеніемъ сдаться. Но на это послѣдовалъ отказъ. Тогда рѣшено было открыть артилерійскій огонь, сначала по Златицѣ, какъ самой близкой къ черногорскимъ позиціямъ.

Едва было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, какъ гарнизонъ кулы, выйдя изъ нея, поспѣшно отступилъ къ кладбищу, гдѣ, укрываясь за каменьями, открылъ перестрѣлку. Черногорцы, въ свою очередь, занявъ опустѣвшій блокгаузъ, стали отвѣчать имъ.

Прежде чѣмъ перевести батарею въ занятую кулу, съ которой было очень удобно бомбардировать фортъ Дворишту, Гейслеръ попробовалъ сдѣлать по немъ нѣсколько выстрѣловъ, изъ 9 фунт. орудія, съ прежней батареи (дист. 1,000 саж.). Выпускаемыя шорохи, ловко попадая въ одно мѣсто, скоро произвели въ стѣнѣ обширную брешь. Въ промежутокъ времени стрѣльбы изъ 9 фунт. орудія, около сотни черногорцевъ незамѣтно подкрались къ кладбищу и кинулись съ ятаганами на засѣвшихъ тамъ турокъ. Послѣдніе отъ неожиданности бросились въ переполохѣ къ форту Двориштa, гдѣ и заперлись. Увидя бѣгущихъ, гарнизоны кулы Шумы и Студенца тотчасъ же сдались. Такимъ образомъ, три блокгауза совершенно неожиданно для черногорцевъ очутились въ ихъ власти.

Съ наступленіемъ утра 4 сентября, фортъ Двориштa предупредилъ готовившуюся по немъ бомбардировку безусловной сдачей. Нѣсколько человѣкъ изъ гарнизона разсказывали потомъ черногорцамъ, что на нихъ самое тяжелое впечатлѣніе произвела шороха, которая, влетѣвъ въ канцелярію коменданта, разнесла въ щепки его письменный столъ съ бумагами, оторвала голову тутъ же стоявшему офицеру и смертельно ранила двухъ солдатъ, на дворѣ, у окна канцеляріи.

Численность гарнизона сдавшихся кулъ и форта была около 500 чел. Начальникъ ихъ сталъ убѣдительно просить князя дозволить его низаму вернуться домой, въ Гацко, съ оружіемъ въ рукахъ, на томъ самомъ основаніи, на какомъ было это дозволено никшичскому гарнизону. Онъ говорилъ, что иначе его строго и жестоко накажутъ, какъ труса, нежелавшаго защищаться. Князь разрѣшилъ ему,—и гарнизонъ, не медля ни минуты, поспѣшно оставилъ Билекъ.

*) Перемиріе на честное слово.

**) Живя все время съ герцеговинцами на вѣрѣ, они не придали особеннаго значенія тому движенію, которое замѣтили на горѣ съ вечера, въ день прихода черногорскаго войска.

Въ арсеналѣ форта оказались 3 орудія, ящикъ съ патронами, множество сухарей, большой запасъ муки и другого съѣстнаго, немного суконнаго платья, много разной утвари и т. п... Лишь только черногорцы увидали все это добро, какъ въ ту же минуту началось повальное расхищеніе, въ особенности провизіи, послѣ суточнаго ихъ голоданія, вслѣдствіе затруднительной доставки провіанта изъ Никшича.

Въ густой толпѣ, собравшейся возлѣ форта, скоро замелькало множество синихъ мундировъ. Кто протискивался съ мѣшкомъ сухарей въ болѣе свободное мѣсто; кто съ мѣдною посудиной подъ мышкой; кто, набравъ полныя руки мелочи, силился ухватить кусокъ холста,—поднялись отчаянные крики и давка. Увидѣвъ безпорядки Врбица сильно разозлился и, схвативъ первую попавшую лопату, началъ колотить ею, на право и на лѣво, по спинамъ галдѣвшихъ. Помогавшіе ему перяники только увеличивали безпорядки, стараясь сами въ тихомолку подцѣпить что можно. Но ни лопата Врбицы, ни нагайка его свѣтлости, который тоже не оставался равнодушнымъ зрителемъ содома,—не могли унять голодныхъ и оборванныхъ воиновъ. Если уже тутъ не поживиться, то конечно не отъ воеводъ, которые забрали бы все сторицей.

Пельгуновъ, въ своемъ дневникѣ, разсказываетъ объ этомъ такъ: «Крѣпость была дана черногорцамъ на добычу, тамъ было довольно драки, вслѣдствіе чего князь сами съ воеводами и перениками разгоняли народъ».

Не желая однако подставлять спину подъ сыпавшіеся удары, черногорцы мигомъ изобрѣли новый способъ расхищенія. Нѣсколько человѣкъ, забравшись въ первый и второй этажъ казармы, начали выбрасывать въ окна подносимыя имъ вещи. Дружства же ихъ, разставивъ внизу рѣдкую цѣпь, принимали бросаемое на лету и, въ свою очередь, перебрасывали слѣдующимъ и такъ до послѣднихъ звеньевъ, находившихся въ отдаленіи, а тѣ уже относили пріобрѣтенное въ укромныя мѣста.

Чуть только Врбица налеталъ на кого-нибудь съ лопатою, какъ жертва тотчасъ-же мчалась въ сторону, увлекая за собою разгнѣваннаго воеводу, мѣсто же ея заступалъ другой черногорецъ, продолжавшій начатое. Такимъ путемъ въ самое непродолжительное время, все было разобрано до ниточки.

Спустя уже много времени послѣ этого билекскаго дѣлежа, мнѣ приходилось встрѣчать у черногорцевъ самыя неподходящія вещи; у одного напр. были воткнуты въ поясъ: ланцеты, троакатры, катетры; у другого хранились въ карманахъ пузырьки съ неизвѣстнымъ лекарствомъ или банки съ мазями и т. п.

Когда во взятыхъ укрѣпленіяхъ все было дочиста расхищено, князь, въ видахъ возможности прибытія турецкой помощи, приказалъ ихъ взорвать динамитомъ и сравнять съ землей. Жителямъ Билека по той же причинѣ было приказано: убраться изъ него подальше, а городъ и села предать огню.

На другой день, 5 сентября, князь, не видя до сихъ поръ никакого словеснаго препятствія къ своимъ дѣйствіямъ со стороны Австріи, въ лицѣ ея представителя, вздумалъ произвести нѣкоторую демонстрацію на Требинье и Клобукъ. Съ этою цѣлью онъ отдалъ приказъ двигаться въ эти мѣста. Но тутъ уже непроницаемая таинственность нарушилась,—мрачный полковникъ рѣшительно заявилъ, что дальнѣйшія дѣйствія будутъ прямымъ нарушеніемъ интересовъ Австріи, а потому: «нельзя-ли для прогулокъ избрать подальше закоулокъ!»

Вслѣдствіе этого князь, отмѣнивъ приказаніе, далъ войскамъ короткій отдыхъ, съ тѣмъ, чтобы на слѣдующій день отправиться къ Крстацу, согласно прежнему плану.

Поздно вечеромъ князь получилъ пріятное извѣстіе о побѣдѣ, одержанной воеводой Лазаремъ Сочицей надъ Хафизомъ-Пашей. Вмѣстѣ съ офиціальнымъ донесеніемъ, Сочица послалъ письмо *) своему брату, находившемуся въ нашемъ санитарномъ отрядѣ, въ которомъ излагалъ подробности о побѣдѣ. Дѣло свое съ Хафизомъ-Пашей, Сочица описываетъ слѣдующимъ образомъ:

« . . . . 26 августа, прибывъ въ Езера, я нашелъ ихъ цѣликомъ въ огнѣ и дымѣ, въ пожарѣ рукъ турецкихъ. Не было холма, не было возвышенности, которую бы турокъ не забралъ въ свои руки, не укрѣпилъ твердыми шанцами. Турки заняли мѣстность отъ Пѣвчьей горы до самой верхушки Дормитора, отъ Майчинской Главицы и высотъ Тарскихъ кряжей, все до Поштанскихъ загоновъ и косъ Превышкихъ, пространство 3-хъ часовъ въ длину и 3-хъ въ ширину. Тамъ гдѣ находились большіе долы и источники, тамъ расположены были большіе лагери его войскъ. Человѣкъ, самый искусный измѣрить глазомъ численность войска, сказалъ бы—имѣлось его, по меньшей мѣрѣ, пятьдесятъ тысячъ; если-же разсматривалъ бы тактикъ, онъ сказалъ бы—его имѣется сто тысячъ. Столь большой просторъ турки заняли собой. Изобиліе хлѣба и посѣвовъ и громадное количество стоговъ сѣна, что рѣдко на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, все это было сожжено, великолѣпныя сельскія хаты и усадьбы также. Народъ разогнанъ—кто въ лѣсъ, кто въ скалы, болѣе всего въ Дормиторскіе кряжи и ущелья. Это было самою печальною картиною въ моей жизни, въ особенности для меня, такъ какъ, я съ Езерами и Таранцами знакомъ какъ со своимъ собственнымъ очагомъ. Въ тотъ же день къ самому вечеру, я отправилъ искусныхъ лазутчиковъ провѣдать—съ какой стороны можно было бы ударить на непріятеля. Въ полночь лазутчики пришли и донесли, что вездѣ естественныя препятствія и трудно нападать, больше того, они говорили, что непріятель намѣревался идти вечеромъ къ Дробняку, а оттуда, по всему вѣроятію, къ Никшичу. Я немедленно приготовилъ 5 подчиненныхъ мнѣ батальоновъ и съ первой утренней зарею, напалъ на непріятеля во фронтъ. Отъ перваго моего нападенія и попытки, непріятель обратился въ бѣгство. Онъ получилъ позднѣе и подмогу, но все было ему напрасно. Я отнялъ самыя важныя высоты и нигдѣ не далъ ему оглядѣться. Не смотря на то, что 2 эскадрона его конницы ударили наконецъ въ атаку и что пол-батареи горныхъ орудій сыпала на меня постоянный огонь, несмотря на все это,—я выгналъ непріятеля изъ 10 шанцевъ и отразилъ назадъ. Наша потеря самая незначительная. Непріятелю, въ этотъ день, мы «посѣкли» (отрубили) не болѣе 10 головъ. Онъ унесъ все—живое и мертвое!

«28 числа, снова я вступилъ въ бой и врагу «посѣкъ 400 головъ; раненымъ его—числа не было. Въ этотъ день сраженіе тянулось съ утра до вечера. Не смотря на то, что Хафизъ употреблялъ въ дѣло самые лучшіе батальоны и конницу, а равно и цѣлую батарею круповскихъ орудій, онъ терпѣлъ пораженіе за пораженіемъ. Это потому, что оба эти дни, я его завлекалъ и обманывалъ. При движеніи турокъ, наши вдругъ неожиданно, какъ волки, появлялись изъ-за скалъ и камней, бросались на нихъ и рубили. Этого полководца турецкаго планъ и устройство далеко непохоже на организацію и планы Су-

*) Я привожу буквальный переводъ его письма, выпуская начало, относящееся лично къ его брату. Письмо это было предназначено имъ для всѣхъ его знакомыхъ, находившихся въ нашемъ отрядѣ.

ЛОНДОНСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА 1879 Г.

КАРТИНА РОБЕРТСОНА.

Ave Maria. Рѣзано на деревѣ въ ксилогр. заведенiи **А. Шлипера** въ С.-Петербургѣ.

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА Я. МАТЕЙКО.

Алхимикъ. По фотографіи **Ангерера** въ **Вѣнѣ**.

леймана или Мухтара. Черезъ-чуръ уже онъ въ военномъ дѣлѣ—«велика простачина» (совершенная простофиля). Онъ располагалъ громадною массою войска, тѣмъ не менѣе наши 5 батальона, съ 26 прошедшаго до 30 этого мѣсяца, выгнали его изъ 37 шанцевъ.

«3 же сентября, ночью, мы напали и Хафиза нагнали въ Тару, такъ что здѣсь онъ потерялъ громадное число войска; самъ онъ едва ускользнулъ («скапулао») и спасся бѣгствомъ; съ незначительной частью войска онъ бѣжалъ къ Пренчанамъ или куда-то. Я его болѣе не преслѣдовалъ. Втеченіи этихъ 8 дней, я загналъ его через Тару. Мои воины, до сихъ поръ въ этихъ 8 сраженіяхъ, взяли въ плѣнъ 100 турокъ и изъ этихъ 100 я отправилъ туда къ вамъ 2 раненныхъ и 6 живыхъ. Остальныхъ воины — мнѣ кажется— всѣхъ «потрошили» (потратили), т. е. покончили съ ними. Некому было извѣстить меня сколько всего непріятельскаго войска погибло, но легко можно было судить о томъ, если возьмемъ во вниманіе то обстоятельство, сколько у него мѣстъ отобрано и какъ много вогнаны были въ воды Тары, безъ оглядки, потерявъ голову, такъ что и самъ онъ никакого яснаго представленія не имѣлъ о себѣ, ни о своихъ.

«Настоящее письмо мое къ тебѣ вошло въ дневникъ мой. Братъ, въ этой странѣ свирѣпствуютъ ужасныя болѣзни, въ особенности дизентерія («срдоболя»), лихорадки и тифъ («болешчина»). Смертность ужасная. Умеръ мой одинъ двоюродный братъ и много другихъ моихъ друзей и помощниковъ. Вслѣдствіе этого, прошу, вышлите мнѣ капель, порошковъ, средствъ слабительныхъ и противуслабительныхъ («за затвор и отвор») и сколько-нибудь хинины.

«Братъ мой, вышли мнѣ это, потому что лишь въ этотъ наши несчастные больные обрѣтутъ средства спасительныя. То же нужно и для моей семьи.

«Въ заключеніе пріими мой искренній привѣтъ и поклонись г. старшему доктору, другимъ докторамъ и всей вашей дружинѣ.

Твой братъ Лазарь Сочица».

Езера 4/9 1877 г.

По привычкѣ, свойственной большинству полководцевъ всѣхъ странъ, умножать силы противника сообразно обстоятельствамъ, герцеговинскій воевода Лазарь Сочица страдалъ тѣмъ же недугомъ. Указавъ на слабую сторону въ образованномъ тактикѣ, онъ, въ тоже время, самъ, съ ловкостью искуснаго глазомѣра, увеличилъ численность силъ Хафиза, по меньшей мѣрѣ въ 6 разъ. Само собою разумѣется, если бы непріятель обладалъ 50-тысячнымъ войскомъ, то онъ не допустилъ бы черногорцевъ такъ свободно хозяйничать на своей территоріи. Относительно сотни плѣнныхъ, упоминаемыхъ воеводой въ своемъ письмѣ, изъ числа которыхъ живыми доставлены въ Никшичъ только 8 человѣкъ, нужно замѣтить, что такое грустное процѣживаніе совершилось по винѣ самихъ же плѣнныхъ. Дѣло въ томъ, что многимъ изъ нихъ побѣдители оставили оружіе. Одному изъ провожавшихъ ихъ герцеговинцевъ такъ понравился ятаганъ турка, что онъ возымѣлъ желаніе во что бы то ни стало овладѣть имъ, предлагая взамѣнъ какую-то безделушку. Плѣнный не соглашался, — поднялся споръ. Турокъ, сгоряча, выхватилъ пистолетъ и прострѣлилъ голову назойливому герцеговинцу. Остальные плѣнные схватились было за оружіе, но ихъ предупредили «потрошеніемъ».

Подобнаго рода обстоятельство имѣло бы кровавую развязку даже въ болѣе гуманныхъ и образованныхъ войскахъ.

Получивъ извѣстіе о побѣдѣ, князь послалъ къ Сочицѣ гонца съ приказаніемъ: прибыть воеводѣ вмѣстѣ съ находившимися въ его распоряженіи батальонами къ Крстацу.

6 сентября его свѣтлость, оставивъ Билекъ *), отправился тоже къ Крстацу на Вретищъ (у входа въ Дужскій проходъ), откуда послалъ Врбицу съ однимъ батальономъ къ форту Злоступ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

*) Въ Билекѣ оставлена была небольшая стража.

Вазу или женщину? Нашъ русскій художникъ г. Семирадскій извѣстенъ уже нашимъ читателямъ по копіямъ съ нѣкоторыхъ его картинъ, изъ которыхъ «Продажа амулетовъ» и «Свѣточи христіанства» пользуются наибольшимъ успѣхомъ. Нашъ молодой художникъ беретъ свои сюжеты преимущественно изъ древняго міра, изъ жизни Рима. Къ числу такихъ картинъ принадлежитъ и его послѣднее произведеніе «Вазу или женщину?» Это сценка изъ древнеримской жизни, когда существовала еще продажа рабынь, практикуемая, впрочемъ, и до настоящаго времени въ Турціи. Два продавца рабынь привели къ богатому римлянину молодую дѣвушку и въ тоже время принесли на продажу красивую вазу. Покупщику остается рѣшить, что лучше купить: «Вазу или рабыню?» Вотъ содержаніе картины, уже успѣвшей побывать на многихъ выставкахъ художественныхъ произведеній.

Ave Maria и Алхимикъ. Изъ художественныхъ произведеній лондонской выставки нынѣшняго года, картина «Ave Maria», сюжетъ которой взятъ изъ жизни рыбаковъ венеціанскихъ лагунъ, производитъ чрезвычайно хорошее впечатлѣніе: эта тишина на морѣ, это вечернее освѣщеніе, эти молящіеся простые люди производятъ тихое успокоивающее впечатлѣніе на зрителя. Картина и нарисована, и написана прекрасно. Картина Я. Матейко понятна сама по себѣ, по содержанію: это алхимикъ, дѣлающій опыты надъ искуственнымъ добываніемъ золота.

Объясненіе картины «Зулусы» мы дадимъ, когда помѣстимъ всѣ картины, относящіяся къ войнѣ съ зулусами и имѣющіяся у насъ въ редакціи.

СМѢСЬ.

— **Мостъ Александра II.** Исправляющій должность с.-петербургскаго градоначальника, увѣдомилъ городскаго голову о послѣдовавшемъ Высочайшемъ соизволеніи на наименованіе вновь построеннаго моста на мѣстѣ Литейнаго «мостомъ Императора Александра II».

— **Военныя прогимназіи.** Число малолѣтныхъ, принимаемыхъ для воспитанія въ военныя гимназіи, все расширяется. Въ настоящее время высочайше утверждено слѣдующее представленіе главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній: «1) Въ военныя гимназіи на казенное содержаніе принимать, сверхъ тѣхъ молодыхъ людей, которымъ предоставлено уже это право, и молодыхъ людей, отцы которыхъ при жизни своей имѣли орденъ св. Георгія всѣхъ степеней, равно и сыновей медицинскихъ чиновъ, состоявшихъ при жизни на службѣ при войскахъ и заведеніяхъ военнаго вѣдомства и священниковъ, состоявшихъ на службѣ въ военномъ вѣдомствѣ, и 2) право опредѣленія въ военныя гимназіи своекоштными и приходящими учениками распространить и на сыновей неслуживших въ государственной службѣ потомственныхъ дворянъ».

— **Пожаръ въ Вязьмѣ.** По правительственному сообщенію 28 августа въ Вязьмѣ былъ большой пожаръ, во время котораго сгорѣло каменныхъ домовъ 37, деревянныхъ 70, разныхъ построекъ 318, въ томъ числѣ тюрьма, военный госпиталь, почтовая станція, кожевенныхъ заводовъ семь, свѣчной восковой одинъ. Сумма убытковъ еще не опредѣлена; строеній застраховано на сумму 213,000. Арестанты переведены въ Смоленскъ. Собрано пожертвованій 2,500 рублей; раздаются небольшія денежныя пособія бѣднѣйшимъ изъ погорѣльцевъ. Объ этомъ-же пожарѣ въ «Голосѣ» мы находимъ слѣдующее извѣстіе. Пожаръ начался за рѣчкою Бебрео на дворѣ кожевеннаго заводчика, которыхъ такъ много въ Вязьмѣ. На дворѣ заводчика, какъ водится, было корьё — оно то и разнесло огонь. Втеченіи нѣсколькихъ минутъ огонь перекинуло на площадь, гдѣ занялись дома Бобнева и Зайцева (лучшій магазинъ мануфактурныхъ товаровъ въ Вязьмѣ); потомъ через улицу загорѣлся складъ винъ Батениныхъ, и огонь понесло съ невѣроятною быстротою вдоль рѣки Вязьмы. Къ тремъ часамъ пополудни, пожаръ добрался до другого конца города и остановился за неимѣніемъ болѣе матерьяла для пламени. Жертвою огня были болѣе сотни домовъ, изъ которыхъ при многихъ были лавки, магазины и другія заведенія, церковь Воскресенія, больница, острогъ, городской садъ, и кельи и службы аркадьевскаго женскаго монастыря, въ послѣднее время прекрасно отстроенныя. Въ среду изъ Москвы прибыла часть пожарной команды. Убытки отъ пожара громадны.

— **Новыя оперы на маріинскомъ театрѣ въ Петербургѣ.** Первою новинкою русскаго оперного сезона будетъ, по словамъ «Нов. Вр.», опера «Ріензи»; первое представленіе въ октябрѣ. Затѣмъ будутъ поставлены: «Майская ночь» и опера А. Рубинштейна «Купецъ Калашниковъ».

— **Сельскія акушерки.** 1 сентября въ надеждинскомъ родовспомогательномъ заведеніи происходило публичное испытаніе учениц, окончившихъ курсъ повивальнаго искуства въ школѣ сельскихъ повивальныхъ бабокъ, учрежденной при заведеніи. Экзаменовалось 28 воспитанницъ, получившія дипломы на право сельской акушерской практики. Изъ нихъ восемь—дочери лицъ духовнаго званія, шесть дочерей чиновниковъ, десять мѣщанокъ, двѣ дочери солдатъ и двѣ крестьянки. 21 ученица обучалась на свой счетъ, а остальные семь были стипендіатками земствъ: костромскаго (двѣ ученицы), корчевскаго, олонецкаго, опочецкаго, пермскаго и чердынскаго. Какъ и предшествовавшіе, этотъ экзаменъ произвелъ на присутствующихъ самое отрадное впечатлѣніе. Не говоря уже о знаніяхъ по предметамъ спеціально акушерскимъ, многихъ пріятно поразили толковые и сознательные отвѣты учениц на вопросы по описательной анатоміи. По окончаніи испытанія, А. Я. Красовскій привѣтствовалъ новыхъ народныхъ дѣятелей краткою рѣчью и роздалъ награды наиболѣе отличившимся ученицамъ: три изъ нихъ награждены похвальными листами, двѣ—книгами и двѣ воспитанницы получили серебряные часы въ хорошенькомъ футлярѣ.

— **Курьезное дѣло.** 28-го августа, въ камерѣ мирового судьи 19-го участка разсматривалось курьёзное дѣло: спиритъ обвинялъ фокусника въ шарлатанствѣ и обманѣ публики. 15-го августа въ Таврическомъ саду было большое народное гулянье, устроенное шестымъ петербургскимъ попечительствомъ для пособія вдовамъ и сиротамъ погибшихъ воиновъ. Въ увеселительной програмѣ гулянья, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимали фокусы г. Фаустини, названные въ афишахъ «спиритическими опытами». Во время одного изъ представленій, къ фокуснику подходитъ какой-то молодой человѣкъ, оказавшійся впослѣдствіи г. Ридигеромъ, отзываетъ его въ сторону и съ горячностью начинаетъ доказывать, что г. Фаустини не имѣетъ права присвоивать своимъ фокусамъ названія «спиритическихъ опытовъ». Г. Фаустини рѣшительно отказался исполнить предъявленное ему требованіе, а г. Ридигеръ пригрозилъ ему судебнымъ преслѣдованіемъ. Черезъ нѣсколько дней, дѣйствительно, въ одной изъ газетъ появилось письмо г. Ридигера, въ которомъ онъ, объявляя о возбужденномъ противъ г. Фаустини преслѣдованіи, приглашалъ своихъ собратовъ, убѣжденныхъ спиритовъ, поддержать его. Въ заключеніе своего письма, г. Ридигеръ выражалъ полную увѣренность, что онъ выиграетъ дѣло въ первой инстанціи, благодаря тѣмъ неотразимымъ доводамъ, которые спиритизмъ

имѣетъ, будто бы, за себя. Въ жалобѣ, поданной мировому судьѣ, г. Ридигеръ, обвиняя г. Фаустини въ обманѣ публики, указывалъ на то, что «истинный спиритъ» не будетъ показывать опытовъ по вызыванію духовъ публично и за деньги. Разсматривая это дѣло, мировой судья, г. Меньшуткинъ, нашелъ объясненія сторонъ излишними. По словамъ судьи, наука уже признала, что между фокусами и спиритическими экспериментами нѣтъ никакой существенной разницы, кромѣ того, что шарлатанизмъ фокусниковъ имѣетъ въ виду прямыя денежныя выгоды, а спиритизмъ прикрывается названіемъ изслѣдованія сокровенныхъ тайнъ и заставляетъ вдаваться нѣкоторые возбужденные умы въ безплодныя изысканія. Обращаясь къ сущности разсматриваемаго дѣла, мировой судья не усмотрѣлъ ничего предосудительнаго со стороны г. Фаустини въ названіи своихъ фокусовъ спиритическими опытами, почему и постановилъ считать его свободнымъ отъ обвиненія. Г. Ридигеръ рѣшеніемъ остался недоволенъ и заявилъ о своемъ намѣреніи перенести дѣло въ мировой съѣздъ.

— **Пятидесятилѣтній юбилей существованія желѣзныхъ дорогъ** приходится праздновать 3-го октября настоящаго года. 3 октября 1829 года, локомотивъ Стефенсона совершилъ въ Англіи свой первый рейсъ по рельсамъ. Въ 1830 году открыта для движенія первая въ мірѣ желѣзнодорожная линія, построенная между Ливерпулемъ и Манчестеромъ, а въ 1878 году, какъ видно изъ статистическихъ данныхъ, въ Европѣ существовала желѣзнодорожная сѣть на протяженіи 154,523 километровъ, распредѣленныхъ между главнѣйшими европейскими государствами слѣдующимъ образомъ: въ Европейской Россіи 21,687 кил., въ Германіи 30,464 км., Австро-Венгріи 17,997 км., Франціи 23,883 км., въ Италіи 8,213 км., въ Англіи 27,540 км., остальное количество распредѣляется между мелкими государствами. Сѣверо-Американскіе Соединенные штаты построили у себя 127,470 км., т. е. немногимъ менѣе, чѣмъ вся Европа, между тѣмъ какъ на остальную Америку приходится только 19,000 км. Въ Азіи 14,000, въ Австраліи 4,000 и въ Африкѣ 2,900 километровъ. Общая стоимость всѣхъ построенныхъ желѣзныхъ дорогъ 75 мильярдовъ франковъ.

— **Баронъ Тейлоръ.** На дняхъ въ Парижѣ скончался замѣчательный человѣкъ. Баронъ Тейлоръ родился въ 1788 году, въ Брюселѣ, и умеръ на девяносто-первомъ году жизни. Онъ былъ въ разное время писателемъ, драматургомъ, живописцемъ, критикомъ, скульпторомъ, офицеромъ, хотя и избѣжалъ конскрипціи въ 1810 году, по поводу слабаго здоровья. Добывать себѣ средства существованія онъ началъ рисуя, по совѣту Сювѐ, карандашомъ. Въ 1815 году, въ періодъ паденія первой имперіи, онъ явился ея защитникомъ и служилъ въ рядахъ арміи Наполеона въ чинѣ поручика. Послѣ 1815 года онъ примкнулъ къ Бурбонамъ и былъ принятъ въ королевскую гвардію, потомъ перешелъ въ артилерію и путешествовалъ во время отпуска по Германіи, Голандіи, Англіи и Испаніи, откуда привозилъ наброски карандашемъ, замѣтки, драмы. Дослуживъ до чина эскадроннаго командира, онъ вышелъ въ отставку и посвятилъ себя всецѣло литературѣ и искуству. Въ 1818 году онъ энергически защищалъ противъ духовенства неприкосновенность средневѣковыхъ памятниковъ, и духовенство считало его преступникомъ за то, что онъ, будучи управляющимъ отъ правительства театромъ «Comédie Française», способствовалъ возобновленію представленій «Свадьбы Фигаро»; класики же мстили ему за постановку «Эрнани» Виктора Гюго, представленія котораго состоялись благодаря его вліянію; они обвиняли его въ спекуляціяхъ по пріобрѣтенію луксорскаго обелиска и выкупу картинъ, взятыхъ изъ Парижа союзниками, позабывъ, что онъ доставилъ казнѣ экономію въ 83,000 франковъ. Онъ отомстилъ своимъ врагамъ тѣмъ, что явился на помощь къ нимъ организовавъ общества взаимнаго вспомоществованія литераторовъ, художниковъ, музыкантовъ и композиторовъ, драматическихъ артистовъ, промышленныхъ изобрѣтателей; во всѣхъ онъ состоялъ пожизненнымъ президентомъ. Баронъ Тейлоръ былъ авторомъ слѣдующихъ сочиненій: «Voyages pittoresques et romantiques en Syrie», «Voyage en Suisse» и проч. Изъ числа теперь позабытыхъ его драмъ слѣдуетъ упомянуть: «Bertram», «Le Délateux», «Ismaël et Marie», «Chevalier d'Assas». Императоръ Наполеонъ III сдѣлалъ его въ 1869 году сенаторомъ. Онъ былъ вольнымъ общникомъ академіи художествъ и командоромъ почетнаго легіона.

— **Шамъ.** Франція потеряла своего знаменитаго карикатуриста Шама. Графъ Амедей де-Ноэ, прозвавшій себя Шамомъ, родился въ Парижѣ, въ 1819 году. Отецъ его, графъ де-Ноэ, бывшій пэръ Франціи, предназначалъ его въ политехническую школу. Но живопись соблазнила его, и молодой человѣкъ, прервавъ связи съ своимъ семействомъ, бралъ уроки у Поля Делароша, а потомъ у Шарлѐ. Около 1841 года онъ началъ рисовать первыя карикатуры, подписанныя прозрачнымъ псевдонимомъ Шама (Хама), намекавшаго на то, что онъ — сынъ Ноя (Noé). Съ тѣхъ поръ во множествѣ разныхъ альбомовъ, альманаховъ, календарей и преимущественно въ газетѣ «Charivari» появился непрерывный рядъ его рисунковъ, пастишей, кроки, комическихъ «обозрѣній», носящихъ отпечатокъ его оригинальнаго и тонко-остроумнаго таланта. Особенно замѣчательны его: «Souvenirs de garnison», «Impressions de voyage de M. Boniface», «La Grammaire illustrée», «Croquis d'automne», «Les Cosaques» и множество другихъ альбомовъ, составляющихъ самую ѣдкую и самую веселую сатиру на современные типы. Неистощимый Шамъ обладалъ рѣдкою способностью быть всегда самобытнымъ. Съ 1841 года онъ не переставалъ быть сотрудникомъ газеты «Charivari», почти ежедневно помѣщая въ ней свои карикатуры. Сверхъ того онъ сотрудничалъ и въ другихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ.

— **Письма Христофора Колумба.** Надняхъ, подъ редакціею испанскаго министра народнаго просвѣщенія, опубликованы чрезвычайно замѣчательные документы: коллекція писемъ Христофора Колумба и его современниковъ, а также рапорты американскихъ губернаторовъ XVI столѣтія. Оригиналы этихъ писемъ нынѣ находятся въ архивахъ города Севильи, въ объемистомъ томѣ, озаглавленномъ «Cartas de India» (письма изъ Индіи) имѣющемъ 1754 страницы.

— **Изъ Австраліи.** Жители колоній стараются, по весьма понятной причинѣ, аклиматизировать въ своемъ новомъ отечествѣ животныхъ, которыя напоминаютъ имъ прежнюю родину. Такимъ образомъ, австралійскіе колонисты успѣшно аклиматизировали у себя, напримѣръ, тетеревовъ. Точно также успѣшно развели они у себя кроликовъ, но этотъ успѣхъ до такой степени превзошелъ ихъ ожиданія, что они почли бы теперь себя болѣе счастливыми, если бы результаты были менѣе очевидны. Кролики, привезенные изъ Европы, такъ быстро размножились въ Австраліи, что сдѣлались бѣдствіемъ для страны, опустошая сады, огороды и поля фермеровъ. Для разрѣшенія такъ-называемаго кроличьяго вопроса собирались митинги, издавались обязательныя постановленія объ уничтоженіи ихъ, но разнообразныя мѣры и средства истребленія кроликовъ не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Жители небольшого острова Тристанъ д'Акомба жалуются на необычайное количество мышей, которыя причиняютъ имъ неисчислимые убытки. Какъ извѣстно, въ Австраліи не существовало мышей: онѣ появились тамъ незваными гостями изъ какой-то другой части свѣта. Англійское правительство, увлекающееся мелкими нуждами своихъ колоній въ такой мѣрѣ, что ему иногда не хватаетъ времени подумать о болѣе существенныхъ нуждахъ, поспѣшило послать бѣдствующимъ островитянамъ цѣлый грузъ кошекъ на военномъ суднѣ Эмеральдъ. Поселенцы, узнавъ о цѣли прибытія такого груза, пришли въ необыкновенное смущеніе и Христомъ-Богомъ просили командира судна не сгружать привезенныхъ кошекъ, которыя, чрезмѣрно размножившись и одичавъ, станутъ разорять ихъ птичьи дворы своимъ хищничествомъ. Островитяне утверждаютъ, что привезенныя туда кошки скоро дичаютъ, презираютъ мясо мышей, которому предпочитаютъ мясо домашней птицы и что съ мышами они живутъ въ совершенной дружбѣ. Колонисты уже и теперь ведутъ войну съ одичавшими кошками и отъ успѣха этой войны будетъ зависѣть возможность существованія на островѣ птичьяго хозяйства. Не менѣе приходится терпѣть австралійскимъ фермерамъ отъ животныхъ, искони тамъ обитающихъ. Многія мѣстности въ колоніяхъ изобилуютъ такимъ множествомъ сумчатыхъ животныхъ, преимущественно кенгуру, что они возбудили, своими опустошеніями пастбищъ, вопросъ о возможности дальнѣйшаго процвѣтанія и даже существованія скотоводства. Разсказываютъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ стало невозможно содержать теперь третью долю того количества овецъ, которое прежде находило тамъ для себя достаточно корма. Чрезмѣрно размножившіеся въ послѣднее время кенгуру опустошаютъ пастбища, посѣвы, огороды и разоряютъ владѣльцевъ стадъ и фермеровъ. Непонятно, почему колонисты не могли до сихъ поръ одолѣть этихъ звѣрей, охота за которыми пріятна и прибыльна, но фактически извѣстно, что количество ихъ значительно увеличилось въ послѣднее время. Втеченіи послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ убито 120,000 штукъ кенгуру только въ новомъ южномъ Уэльсѣ, и количество ихъ еще такъ велико, что эта убыль кажется незамѣтной. Въ колоніи Квинслендъ назначена премія въ 9 пенсовъ за каждую головную шкуру кенгуру и въ 3 пенса за звѣрька валлаби. Для образованія нужнаго для этой цѣли фонда закономъ установленъ особый налогъ на фермеровъ, которые уплачиваютъ ежегодно по одному шилингу съ каждой сотни овецъ и столько же съ каждыхъ 25 штукъ рогатаго скота. Втеченіи четырехъ недѣль убито 21,000 штукъ кенгуру въ одномъ округѣ Тувамба, но и это побоище не оказало замѣтнаго вліянія на уменьшеніе количества вредныхъ животныхъ. Если принять во вниманіе, что благосостояніе колоній зависитъ отъ процвѣтанія тамъ овцеводства и скотоводства, то станетъ понятнымъ тотъ вредъ, который приносятъ эти животныя, нашедшія себѣ дорогу и въ Европу, такъ какъ извѣстно, что въ послѣднее время они успѣшно аклиматизировались во Франціи, гдѣ стараются ихъ размножить, находя выгоду отъ ихъ вкуснаго мяса и красивой шкуры. Здѣсь кстати разсказать анекдотъ, случившійся въ Америкѣ, по поводу мѣръ, предпринятыхъ тамъ для истребленія вредныхъ животныхъ. Въ нѣкоторыхъ штатахъ сѣверной Америки была опредѣлена премія въ 5 доларовъ за каждую представленную медвѣжью правую переднюю лапу. Въ очень короткое время были представлены 160 штукъ медвѣжьихъ переднихъ лапъ, за которыя звѣроловы получили установленное вознагражденіе безъ всякаго замедленія. Всѣ были удивлены такимъ изобиліемъ въ странѣ лютыхъ звѣрей, но вскорѣ объяснилось, что хитрые янки поддѣлали лапы изъ гуттаперчи такъ искусно, что нельзя было отличить поддѣльныхъ кусковъ медвѣжьей кожи, когтей и пр. отъ настоящихъ, и оказалось, что правительство награждало не дѣйствительныхъ истребителей хищнаго звѣря, но ловкихъ фабрикантовъ медвѣжьихъ лапъ.

— **Борода во рту.** Въ первомъ засѣданіи «Собранія хирурговъ», происходившемъ въ нынѣшнемъ году въ Берлинѣ, сообщенъ былъ фактъ изъ хирургической практики, который для людей, непосвященныхъ въ таинства медицинской науки, можетъ показаться невѣроятнымъ. Дѣло въ томъ, что у одного человѣка росла во рту борода, которую онъ долженъ былъ брить.

Причина тому слѣдующая: у вышеозначеннаго господина была раздроблена нёбная кость выстрѣломъ въ ротъ. Вслѣдствіе большого количества костныхъ осколковъ, вышедшихъ изъ раны вмѣстѣ съ гноемъ, у него въ нёбѣ образовалось такое огромное отверстіе, между ртомъ и носомъ, что пища и питье, принимаемыя ртомъ, возвращались носомъ, а рѣчь до такой степени измѣнилась, что ничего нельзя было понять. Больной отправился за помощью въ хирургическую клинику профессора Тирша, въ Лейпцигѣ. Осмотрѣвъ, профессоръ рѣшилъ, что операція уранопластики, обыкновенно практикующаяся въ подобныхъ слу-

чаяхъ, здѣсь непримѣнима, вслѣдствіе отсутствія твердаго нёба. Приладить искуственное, изъ серебра или каучука, тоже нельзя было; професоръ рѣшился прибѣгнуть къ новому средству — вырвавши предварительно нѣсколько зубовъ, мѣшавшихъ ходу операціи, почтенный хирургъ вырѣзалъ со щеки трехугольный кусокъ кожи и пришилъ его поперегъ нёба. Лоскутъ вскорѣ сросся какъ нельзя лучше съ прилегающими къ нему мясистыми частями и отлично зажилъ, такъ что больной могъ принимать пищу, и рѣчь его стала звучать удобопонятно. Мѣры, принятыя для заживленія раны въ щекѣ, тоже удались и больной вскорѣ былъ выпущенъ изъ клиники совершенно выздоровѣвшимъ. Однако, черезъ нѣкоторое время, онъ началъ ощущать непріятное щекотаніе на языкѣ, вслѣдствіе котораго его постоянно рвало. Мучимый этимъ новымъ недугомъ, онъ въ одинъ прекрасный день осмотрѣлъ, посредствомъ зеркала, полость своего рта и съ ужасомъ увидѣлъ на нёбѣ нѣсколько пучковъ волосъ.

Испуганный перспективой новой операціи, несчастный побѣжалъ къ професору, умоляя его помочь ему. Професоръ, убѣдившись въ чемъ дѣло, объявилъ, что ему безпокоиться нечего, операціи дѣлать ненадо, а слѣдуетъ только сбривать по временамъ бороду, растущую у него во рту, вотъ и все.

Какимъ образомъ совершается этотъ актъ бритья, къ сожалѣнію, конгресу сообщено не было.

— **Отравленіе синькой.** Чѣмъ только не отравляются люди! Пришла очередь и синькѣ пополнить собою длинный рядъ ядовъ, дѣйствующихъ разрушительно на человѣческій организмъ. Въ Штетинѣ во время «подсинивания» бѣлья какая-то женщина не обратила вниманія на царапину, которая оказалась у нея на рукѣ. Скоро она почувствовала однако «дерганье», рука опухла и докторъ заявилъ, что произошло отравленіе крови. Больная едва избѣжала отнятія руки, необходимость котораго грозила наступить съ минуты на минуту.

— **Кладъ.** «Рус. Вѣд.» пишутъ изъ Углича, ярославской губерніи, что на крутомъ лѣвомъ берегу Волги, противъ Богоявленскаго монастыря, въ полуверстѣ отъ города, найденъ кладъ, содержащій до 6 фунтовъ старинныхъ серебряныхъ монетъ треугольной формы. Кладъ найденъ совершенно случайно причалившими въ этомъ мѣстѣ къ берегу калязинскими лодочниками, которые, желая привязать лодку къ находившемуся здѣсь колу, замѣтили, что онъ вбитъ не крѣпко — выдернули его и вмѣстѣ съ нимъ вытащили нѣкоторое количество глины съ нѣсколькими приставшими къ ней монетами. Заинтересовавшись этимъ, они стали копать землю и открыли кладъ.

— **Живопись на лавѣ.** Въ архитектурномъ отдѣлѣ московскаго политехническаго музея полученъ портретъ французской актрисы Краузеттъ, написанный русскимъ художникомъ Егоровымъ на фабрикѣ поливныхъ издѣлій въ Парижѣ. Доска портрета изъ лавы древнихъ изверженій, выпиливаемыхъ въ Оверискихъ горахъ. Вслѣдствіе зубчатаго строенія лавы, минеральная краска при накаливаніи до 2,000 градусовъ просачивается въ поры лавы и картина, представляя замѣчательную прочность, никогда не можетъ пострадать ни отъ атмосферическихъ вліяній, ни отъ огня. Этотъ способъ живописи имѣетъ большую будущность въ примѣненіи къ наружному украшенію зданій. Въ Москвѣ церковь Трехъ Радостей, на Покровкѣ, украшена съ лицевой стороны тремя иконами, писанными на этой-же лавѣ.

— **Превращеніе пустыни въ озеро.** Губернаторъ штата Аризона представилъ проектъ, предлагая прорыть каналъ и черезъ него впустить воду изъ Тихаго океана на большую, низменную площадь между штатомъ Аризоны и южной Калифорніей. Полагаютъ, что округъ этотъ, представляющій въ настоящее время безводную пустыню, былъ когда-то морскимъ дномъ. Поверхность его лежитъ, какъ вычислено, на 300 футовъ ниже уровня Тихаго океана, а площадь его простирается на 200 миль въ длину и на 50 въ ширину. Западный край ея отстоитъ всего на 45 миль отъ Калифорнскаго залива; черезъ эту-то полосу земли и предполагается провести каналъ для впуска водъ океана въ котловину. На срединѣ полосы, чрезъ которую проектируется каналъ, существуетъ озеро около 20 миль въ длину; такимъ образомъ прорывать пришлось-бы только 25 миль. Стоимость предпріятія исчислена въ 200 тысячъ фунт. стерлинговъ и вся работа по прорытію канала можетъ быть окончена, какъ думаютъ, въ шесть мѣсяцевъ. Исполненіе этого проекта имѣло-бы безъ сомнѣнія большое значеніе для юго-западныхъ штатовъ и благотворно повліяло-бы на климатъ цѣлаго края.

— **Ледяной катокъ лѣтомъ.** Фабрикантъ льда въ Нью-Іоркѣ, Ранкинъ, устроилъ нынѣшнимъ лѣтомъ, къ услугамъ любителей, лѣтній ледяной катокъ, длиною въ 200 и шириною въ 80 футъ, и—что всего замѣчательнѣе—составленный изъ одного цѣльнаго куска льда. Для этого устроена крытая зала съ совершенно герметическимъ паркетнымъ поломъ. По полу проложена цѣлая сѣть трубъ, длиною въ 16 верстъ, а поверхъ трубъ налита вода, которая потомъ и заморожена въ видѣ сплошного зеркала, толщиною въ три дюйма. Какъ замораживаніе воды, такъ и поддержаніе льда въ неизмѣняемомъ состояніи, не смотря на окружающую жару, производится услугами охлаждающей жидкости, которая циркулируетъ въ вышеупомянутыхъ трубахъ. Чтобы катающимся, одѣтымъ въ легкія лѣтнія платья, не было холодно, въ залѣ топится постоянно 12 печей. Не смотря однако же на это, ледъ не оказываетъ ни малѣйшаго стремленія растаять и самая охлаждающая жидкость, пробѣжавъ по трубамъ цѣлыхъ 16 верстъ, согрѣвается лишь на нѣсколько градусовъ.

— **Професоръ нищенства.** На нѣкоторыхъ лондонскихъ улицахъ было прибито слѣдующее объявленіе: «Искуство испрашиванія милостыни въ 6 уроковъ. Професоръ (sic!) Лазарь Руней честь имѣетъ сообщить достопочтенной публикѣ, что онъ учредилъ высшую школу для практическаго и теоретическаго преподаванія испрашиванія милостыни. Каждая приличная особа, одаренная обыкновеннымъ умомъ, можетъ, благодаря курсу въ шесть уроковъ, выучиться жить насчетъ публики спокойно и беззаботно. Условія професора очень выгодны. Онъ также принимаетъ на полный пансіонъ дѣтей за умѣренную плату. Ввѣренныя его попеченію дѣти будутъ обучаться принимать всевозможныя болѣзненныя формы безъ всякой для ихъ здоровья опасности. Кромѣ того за умѣренную цѣну указываются наилучшія улицы въ наиболѣе благотворительныхъ участкахъ города. Професоръ Руней имѣетъ богатый запасъ свидѣтельствъ разнаго рода и можетъ необыкновенно искусно поддѣлывать раны и болячки разнаго рода. Интелигентныя женщины и вообще ловкія лица за ничтожное вознагражденіе получаютъ каждый день близнецовъ, которые, своимъ разительнымъ сходствомъ, весьма пригодны для эксплоатаціи публики. Кромѣ того професоръ Руней беретъ на себя поставку собакъ для слѣпыхъ, костылей, повязокъ, словомъ, всего, что требуется для производства промышленности нищенства. Всѣ заказы изъ провинціи исполняются въ точности и съ сохраненіемъ тайны».

— **Стоимость дикихъ звѣрей.** Въ одной вѣнской газетѣ сообщены слѣдующія цѣны стоимости дикихъ звѣрей. Львы и тигры обходятся въ 800 флориновъ за штуку; пятнистая пантера 300 фл.; леопардъ 200 фл.; черная же пантера 1,500 фл., а пятнистый тигръ даже 3,000 фл. (1,860 руб.); ягуары стоятъ отъ 300 до 500 фл.; гіены 120—300 фл.; серебристая лисица 100 фл., волкъ отъ 50 до 100 фл. Изъ медвѣдей самый дорогой полярный медвѣдь—250 фл. Затѣмъ слѣдуетъ по цѣнѣ гималайскій медвѣдь 150 фл.; сирійскій или черный 120 фл. Пара бобровъ 40 фл. Цѣнность одного носорога отъ 4,000 до 10,000 фл. Слоны тоже разной цѣны; индійскій цѣнится дороже африканскаго. Послѣдній стоитъ только 600 фл., а индійскій отъ 1,500 до 3,000 фл. Также точно индійскій тапиръ цѣнится не менѣе 1,500 фл., тогда какъ южно-американскіе стоятъ только 300—400 фл. Кэнгуру отъ 100 до 600 фл. Зебра стоитъ отъ 1,000 до 1,500 фл. Цѣна обезьянъ чрезвычайно разнообразна, начиная съ маленькой обезьяны, стоимостью въ 10 фл., и до шимпанзе или орангутанга въ 1,000 фл.

— **Скелетъ мастодонта.** Въ Новомъ Виндзорѣ, въ штатѣ Нью-Іоркъ, близъ Нью-Іорка, открытъ въ болотѣ почти цѣлый скелетъ мастодонта. Болото это тянется на нѣсколько миль. Дѣти, роя дренажную канаву, на глубинѣ почти двухъ футовъ подъ поверхностью земли, нашли кости двухъ ногъ, длиною въ 10 дюймовъ, и принесли ихъ къ своему отцу, ирландскому крестьянину, по имени Келли. Тотъ очень удивился, остановилъ работу и созвалъ на совѣтъ всѣхъ своихъ сосѣдей. Это было въ субботу, 23 іюня. На другой день по утру крестьяне, собравшись, выкопали большой ровъ, футовъ въ 30 длиною, и въ немъ нашли большую часть остова животнаго. Въ «New-York-Herald» сообщаются объ этомъ слѣдующія подробности: когда отрыли верхнюю челюсть и черепъ, ихъ насилу могли вытащить изо рва; они лежали на глубинѣ четырехъ футовъ и шести дюймовъ. Нижняя челюсть была фута на три ниже верхней. Два человѣка насилу подняли ее. Хребетъ лежалъ на глубинѣ 2-хъ футовъ подъ землей. Другія части скелета были отысканы въ разныхъ мѣстахъ. Вотъ размѣры главныхъ костей, въ англійскихъ мѣрахъ: черепъ 2 фута $5^1/_4$ дюймовъ въ вышину; длина верхней челюсти—3 фута 9 дюймовъ; ширина ея—2 фута 4 дюйма, разстояніе между глазами — 2 фута; глубина черепа—18 дюймовъ; глазныя орбиты по 7 дюймовъ въ діаметрѣ. Во рту оказалось 8 зубовъ, по 2 съ каждой стороны, въ каждой челюсти, и всѣ они хорошо сохранились. По срединѣ передней части черепа есть впадина въ 11 дюймовъ въ длину и четыре въ ширину. Нижняя челюсть отлично приходится къ верхней и къ черепу. Костей еще не свѣсили, но полагаютъ, что они вытянутъ не меньше 600 фунтовъ.

— **Бѣлые арапы.** Португальскій путешественникъ по Африкѣ, Серпа Пинто, въ отчетѣ своего путешествія географическому обществу въ Сорбоннѣ, сообщилъ объ открытіи имъ въ средней Африкѣ бѣлыхъ араповъ, о существованіи которыхъ такъ много ходило слуховъ, не пользовавшихся серьезнымъ довѣріемъ. Этотъ народъ именуетъ себя касекерами и обитаетъ между рѣками Кучи и Кубанго. Цвѣтъ кожи этихъ дикихъ бѣлѣе кожи кавказскаго племени, волоса у нихъ курчавые, какъ у всѣхъ представителей эфіопскаго племени, а глаза приподняты къ вискамъ какъ у монголовъ. Они очень крупно сложены и живутъ небольшими групами, отъ 4 до 5 семействъ, ведущихъ кочевой образъ жизни.

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Въ заявленіи отъ Редакціи, напечатанномъ въ прошломъ нумерѣ, вкралась опечатка, которую спѣшимъ исправить:

Напечатано:	*Слѣдуетъ*:
За перемѣну петербургскаго адреса на иногородный **1 р. 85 коп.**	За перемѣну петербургскаго адреса на иногородный **85 коп.**

ОТЪ КОНТОРЫ. № 34-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 1-го сентября въ 6 часовъ 20 минутъ утра, на иногороднную почту 2-го сентября въ 12 часовъ пополудни.

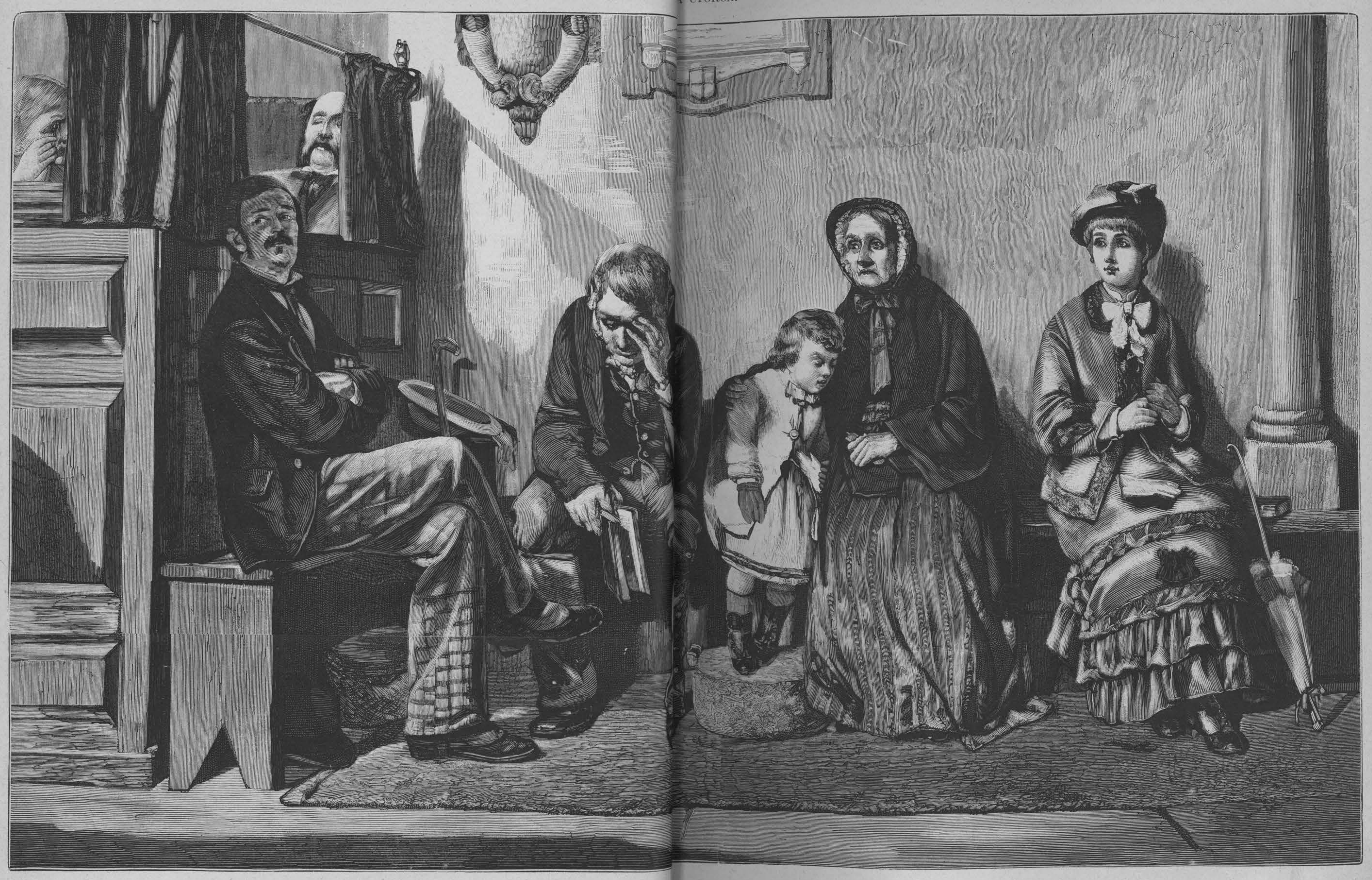
СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель **Н. И. Шульгинъ.**
Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

При этомъ нумерѣ «Жив. Обозрѣн.» разсылаются гг. подписчикамъ приложенія: «Руководство къ Гигіенѣ», «Парижскія Моды», Сентябрь и гравюра съ картины Артура Стокса «ВО ВРЕМЯ ПРОПОВѢДИ».

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 7 Сентября 1879 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)

КАРТИНА ... СТОКСА.

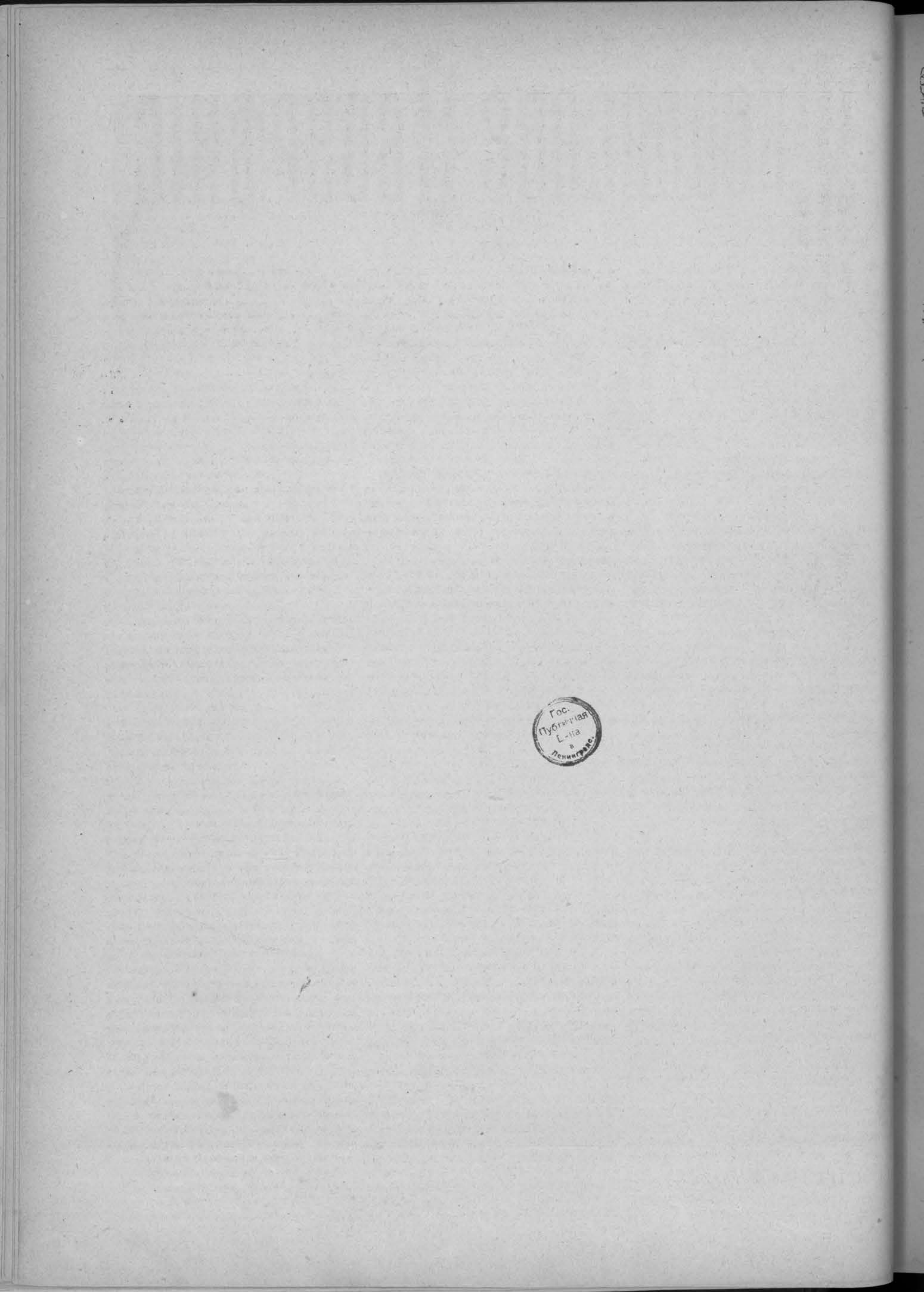

ВО ВРЕМЯ ПРОПОВѢДИ. (...донская выставка 1879 года.)

Гравировано въ ...ской политипажнѣ".

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 Сентября 1879 года.

Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин. № 12.)

Гос.
Публичная
Б-ка
в
Ленинграде.